

Татьяна Устименко

Звезда моей души

Соль жизни в том, что она — не сахар!

Татьяна Устименко
Звезда моей души
Серия «Звезда Блентайра», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2442525
Звезда моей души: Альфа-книга; Москва; 2011
ISBN 978-5-9922-0941-9

Аннотация

Мир, носящий название Лаганахар, изнемогает под тяжестью нераскрытых тайн. Эльфы проиграли войну людям и сгинули без следа, покинув свою столицу – белостенный Блентайр. Чародеи и жрецы змееликой богини Банрах пылают взаимной ненавистью, бессильные перед мощью наступающей на город пустыни. Утеряны древние артефакты и позабыт смысл великого пророчества, созданного Неназываемыми. Убита любовь, добро втоптанно в грязь, и почти уже смолк Колокол Судьбы, отмеряющий срок жизни всего Лаганахара. А между тем, в сиротском приюте воспитываются двое безродных детей: мальчик и девочка. Он – ветреный красавец, долгожданный избранник кровавой богини; и она – строптивая полукровка, последняя надежда этого гибнущего мира... Какое будущее их ждет?

Содержание

Пролог	4
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	40
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Татьяна Устименко

Звезда моей души

Всем моим читателям, мечтающим зажечь Звезду своей души и расправить сложенные за спиной крылья...

Пролог

– Смилуйся, о великий светлый дух! – униженно молила распростертая на полу женщина, поливая горячими слезами постамент возвышающейся над ней статуи. – За что ты наказал меня столь жестоко? Ведь минуло уже целых четырнадцать лет с тех пор, как он исчез... Умоляю, смилуйся над несчастной матерью, верни мне моего единственного сына!

Ее жалобные вопли закручивались в почти осязаемую спираль боли и гнева, отражались от мраморных стен и эхом взлетали к полукруглому потолку небольшого помещения, расположенного на верхнем ярусе Звездной башни – неприступной цитадели, святая святых лаганахарской гильдии Чародеев. Сама же башня, многие сотни лет назад возведенная на Непокойной горе, указующим перстом нависала над улицами шумного, густонаселенного Блентайра, будучи безмолвным напоминанием о десятках погибших магов, отдавших свои жизни за процветание знаменитого города.

Впрочем, можно ли называть процветанием нынешнее скорбное существование жителей королевства Лаганахар?

Некогда, чуть более двух сотен лет назад, Лаганахар был успешно развивающимся королевством, которое состояло из нескольких крупных оазисов, разбросанных между двумя пустынями и растянувшихся вдоль русла полноводной реки Алларики, что берет начало на севере, подпитываясь тающим снегом сходящих с Запретных гор лавин. Река минует дикую степь – родину кочевых племен, уходит под пески страшной мертвой Пустоши и заканчивается обширным озером Аррун, сейчас почти пересохшим и изрядно обмелевшим. В дельте устья Алларики лежит большая часть плодородных земель королевства и находится белостенный город Блентайр.

Ниже южной оконечности Лаганахара жизнь потихоньку замирает, ибо там начинается еще одна пустыня – Маграб, называемая Бесконечной.

На северо-востоке от Блентайра, в нескольких днях пути, сразу же за лесом Шорохов, раскинулось Зачарованное побережье, омываемое водами Великого моря, – прибежище эльфов. Их немного уцелело после войны, живут они замкнуто и обособленно, крайне неохотно впуская на свою территорию гостей, особенно незваных.

К северо-западу от города, за Черными холмами, затаились печально известные Лиднейские болота, переходящие в поросшую ковылем степь, а уже дальше, за Пустошью, расстилается знаменитая долина Дурбан, окруженная Белыми горами.

Пресловутые горы и долина образуют край Крылатых, населенный огнедышащими драконами – тварями зловредными и кровожадными, страдающими постоянным несварением желудка, а посему к мирному общению не склонными. Эти чудовища охраняют подступы к Запретным горам, достигнуть которых еще не удавалось никому, даже самым искусным воинам из клана Полуночных эльфов.

Ранее, до войны, в Лаганахаре насчитывалось целых восемнадцать городов, но ныне все они канули в небытие, погибнув под песками двух пустынь, все крепче сжимающих свои губительные объятия вокруг последнего оплота человеческой расы – белостенного Блентайра. Пойманные в смертельную ловушку взбунтовавшейся стихии, люди впали в отчаяние

и были готовы на любое злодеяние, которое хоть на немного отсрочило бы приближение закономерной катастрофы. А впрочем, сегодня уже мало кто верил в возможность спасения, предпочитая полагаться на собственные глаза и здравый смысл, а не обольщаться лицемерными обещаниями жрецов и чародеев, безуспешно пытающихся противостоять тому, что невозможно одолеть и остановить, – времени и песку.

Жители Лаганахара убедились на собственном опыте: посеявший ветер раздора – рано или поздно пожнет бурю несчастья. Проливший каплю невинной крови – получит в отместку ливень из смертей. Буря не ведает жалости и забирает то, что было обещано ей по глупости или неосторожности. А бороться с бурей и смертью... Есть ли в этом смысл?

Наиболее здравомыслящие граждане осознавали, что цена, которую придется заплатить за победу в войне, непомерно высока. Но таких оказалось немного. Ведь в подавляющем большинстве люди крайне легкомысленны. Они совершают рискованные поступки и лишь потом, много дней спустя, прозревают и запоздало задумываются о губительных последствиях содеянного.

К несчастью, именно так и произошло в королевстве. Испрошенная свыше помощь была получена, а назначенную за нее мзду продолжали выплачивать и по сей день. Закономерная неотвратимая кара за преступные деяния далеких предков надвигалась на стены прекрасного Блентайра, омрачая лица снующих по улицам горожан и ежедневно добавляя по несколько седых волос в бороду короля Вильяма.

Но в отличие от большинства своих сограждан женщина, распростершаяся на каменном полу молельни Звездной башни, еще не потеряла надежду на прощение и по-прежнему верила в силу своей мольбы. Вот поэтому-то и обнимала она ноги статуи, умоляя светлого бога Шарро снизить к мукам ее истстрадавшегося сердца и вернуть сына, пропавшего четырнадцать лет назад. Вышеупомянутый же бог, статуя которого имела облик прекрасного лицом мужчины, – за его спиной реяли широко распахнутые крылья, на шее виднелись круглые отверстия жабр, а между пальцами рук были заметны едва различимые перепонки, – не спешил откликнуться на мольбы, а взирал на женщину холодно и отстраненно.

Зато лицо второй статуи, также хранящейся в башне, но покрывшейся пылью забвения и задвинутой в самый темный угол молельни, выражало такую неприкрытую злобу, что, честное слово, неосторожной просительнице стоило бы обратиться на нее куда более заинтересованный взгляд. Но всеми забытая статуя ярилась напрасно, ибо заплаканная жалобница совсем не уделяла ей внимания. И как выяснилось впоследствии, зря...

– Молчишь?! – то ли вопрошая, то ли утверждая, склочно прошипела женщина. – Тем хуже для тебя!

Она выхватила из привешенных к поясу ножен небольшой обоюдоострый кинжал и решительно приставила к своему горлу.

– Тогда я убью себя прямо здесь и запятнаю кровью твой чистый образ... Ну?! – ультимативно произнесла она и нажала на рукоять кинжала. По лифу богатого платья скатились несколько крупных алых капель. – Моя смерть будет на твоей совести, бог Шарро!

– Остановись, Кларисса! – Негромкий голос, неприязненный и неприветливый, шел из уст статуи прекрасного бога. – Я уже давно устал от твоих настырных призывов и хамского шантажа. Что ты хочешь от меня?

– Узнать, что случилось с моим сыном и где он находится! – обрадованно завопила Кларисса, роняя на пол кинжал, слегка обгаренный ее кровью. – Твоя сестра, богиня Банрах, – она обличающим жестом, не глядя, небрежно ткнула пальцем в сторону задвинутой в угол статуи, – отвернула от меня свой неблагодарный лик, а ведь гильдия так много для нее сделала! Теперь ты – единственная моя надежда.

По губам статуи бога Шарро скользнула саркастичная улыбка:

– Все женщины эгоистичны и переменчивы по своей натуре. Моя сестра Банрах, к сожалению, не является исключением из этого печального правила, а скорее подтверждает его. Следовало предполагать, что Банрах, получив желаемое, забудет об использованных ею людishках и бросит вас на произвол судьбы.

Из угла, где вынужденно прозябала статуя богини Банрах, донесся рассерженный зубовой скрежет. А чего еще, спрашивается, можно ожидать от богини, чье отмеченное печатью коварства лицо больше всего напоминает узкую змеиную морду? Изображение Банрах не имело глаз, зато обладало внушительными, выступающими из-под верхней губы клыками, а ее мстительно скрюченные пальцы оканчивались огромными когтями.

В противовес своему лучезарному брату Шарро черная богиня Банрах царилa во тьме и безвылазно жила под землей, превыше всего на свете цenia приносимые ею жертвы и обожая неповторимый вкус свежей человеческой крови. Запомните, глупцы: горестен удел людей, дерзнувших искать покровительства богини-кровопийцы. Многострадальные жители Лаганахара уже прошли сию унылую школу и знали о сомнительных милостях змееликой Банрах отнюдь не понаслышке.

– Богине не понять моих чувств, она не ведает любви, – душераздирающе стонала Кларисса. – Но ты... Ты есть воплощение света и неба! Лишь ты один способен принять участие в судьбе моего пропавшего мальчика!

– Признаюсь, это я забрал твоего новорожденного сына, – суровым приговором бухнул бог. – И могу тебя успокоить, Кларисса: твои рыдания необоснованны, ибо наследный принц Лаганахара, будучи в полном здравии, спрятан в надежном месте.

– Но за что ты лишил меня тихого семейного счастья? – потрясенно ахнула женщина, хлопая мокрыми от слез ресницами. – Зачем забрал его из королевской колыбели?

Бог издал нехороший возмущенный смешок:

– А ты не понимаешь?

Кларисса отрицательно помотала растрепанной головой.

– А не ты ли, – голос бога звенел от гнева, – приказала выкрасть новорожденного ребенка принцессы Аньерд, младшей – хоть и сводной, но все-таки венценосной – сестры твоего супруга, короля Вильяма, владыки лаганахарского трона?

– Я! – властно выпрямила спину обвиняемая, не собираясь отпираться. – Но учти, я действовала сугубо в рамках закона. Распутная принцесса зачала ребенка неизвестно от кого и родила его вне брака, покрыв несмываемым позором свою великую семью. Она нагуляла его в период осенней ярмарки да еще наотрез отказалась раскрыть имя своего гнусного любовника. И ребенок – он же родился уродом... А я проявила к ней милосердие! Я же не требовала убить бастарда принцессы Аньерд, я просто наняла троих ловких воров, сумевших выкрасть его из дворца и унести подальше от столицы.

– Девочку, – жестко напомнил Шарро. – Крохотную недоношенную девочку!

– Ну и что? – брезгливо поморщилась Кларисса. – Пол новорожденной не уменьшает вины ее матери.

– И бросить малютку, обрекая на мучительную смерть! – взбешенно добавил бог. – А ведь этот ребенок так много значил для всего Лаганахара!

– Чем же? – удивленно спросила совершенно запутавшаяся Кларисса, но бог демонстративно проигнорировал ее вопрос.

– В отместку я забрал твоего сына, – откровенно сознался он. – Око за око, зуб за зуб.

Кларисса побледнела как полотно и прикусила губу, сдерживая вновь подкатившиеся к горлу рыдания.

– Верни мне его, Шарро, умоляю тебя! Я заплачу любую цену!

– Правда? – провокационно ухмыльнулся бог. – Заплатишь? Сделаешь все, что я ни пожелаю?

Женщина решительно кивнула, выражая безоговорочную готовность исполнить свое обещание.

– Хорошо. – Бог почти мурлыкал от удовольствия. – Очень хорошо! Так и быть, я дам тебе шанс увидеть сына.

Он заметил выражение бесконечной радости на лице Клариссы и внушительно повторил:

– Помни, не вернуть его себе, а просто увидеть, если, конечно, ты согласишься на мое условие.

– Пусть всего лишь это, но я согласна! – восторженно пролепетала воспрянувшая духом мать. – Хоть раз увидеть и обнять моего мальчика...

– Я знаю, что все вы, выпренно именующие себя магами, носите на шее хрустальную звезду, символ вашей столицы Блентайр, – между тем невозмутимо продолжал бог, – куда собираете добытые вами заклинания. Вы называете эти украшения Звездой своей души. Ее яркость зависит от того, насколько силен и могущественен владелец звезды и какими знаниями он обладает.

– Все это так, – подтвердила Кларисса, непроизвольно кладя руку себе на грудь. – Но зачем...

– Не перебивай меня, женщина! – прикрикнул бог. – Вот эта звезда – особая.

В воздухе прямо перед глазами Клариссы возникла небольшая хрустальная фигурка, подвешенная на золотую цепочку.

– Ее тоже требуется наполнить, как и все прочие звезды чародеев, но только не заклинаниями, а силой различных стихий, чувствами живой человеческой души – любовью, ненавистью, муками, радостями – и опытом преодоленных испытаний.

– Увы, я не знаю мага, способного справиться с твоим заданием! – печально откликнулась Кларисса. – Это невозможно...

– Возможно! – не терпящим возражений тоном перебил бог. – Готовься, Кларисса, ведь скоро в вашей башне появится ОНА – девочка из древнего пророчества Неназываемых, живое средоточие великих сил. Единственная крылатая эльфийка, способная наполнить эту звезду и спасти наш гибнущий мир.

– Нет! – испуганно отшатнулась женщина. – Она нам вовсе не нужна, ведь согласно этому же предсказанию девочка-звезда станет Наследницей изгнанных из столицы Полночных эльфов и уничтожит гильдию Чародеев!

– Ха-а-а, давно пора воздать вам по заслугам, лживые маги, – язвительно хмыкнул Шарро. – Ведь это вы почти погубили Лаганахар. И теперь...

– Молчи! – дикой фурией зарычала Кларисса, сжимая в ладони хрустальную звезду. – Или, клянусь жизнью сына, я ее разобью!

– Разбей, но имей в виду: в этом случае ты уже никогда не увидишь своего мальчика, – издевательски поддел Шарро, и плечи женщины обреченно поникли. – Ну же, решайся, грешница!

– Я согласна, – через силу выдавила она. – Но объясни, как мне ее найти, эту девочку-звезду?

– Через два года, – уже спокойно пояснил бог, – вы совершите то, чего не делали уже много лет, а именно – примете в свою гильдию безродного ребенка, воспитанного в монастырском приюте.

Высокомерная Кларисса гадливо передернула плечами, но Шарро продолжил:

– Вы не станете ее выбирать, а просто безропотно возьмете к себе ту сироту, которую отвергнут остальные гильдии.

– Никчемного изгоя? Пищу для богини Банрах? – поперхнулась словами женщина. – На наши головы падет несмываемый позор, если бесполезный отброс проникнет в Звездную башню и вознамерится стать учеником чародеев!

– Но ты же хочешь увидеть своего сына, не так ли? – лучезарно улыбнулась статуя бога. – Выбор за тобой. Откажись от своей мечты – и ты избежишь унижения.

– Я согласна, – снова процедила Кларисса, с затаенной надеждой и в то же время с неприкрытым отвращением взирая на хрустальную звезду, зажатую в ладони. – Я найду эту треклятую девчонку, и будь что будет!

Часть первая

Ученица гильдии Чародеев

Глава 1

Сверху, с черепичной крыши колокольни – самого высокого здания деревушки Ролсби, далекий Блентайр казался неправдоподобно маленьким, почти игрушечным. Но, невзирая на внушительное расстояние, отделяющее меня от города, я различала стройные цепочки голубоватых магических фонарей, освещавших улицы спящей столицы. В их свете я, прищурив глаза, умудрилась различить причудливо сплетенные тени, отбрасываемые стенами домов, аккуратно подстриженными деревьями, многочисленными памятниками и фонтанами.

Что бы там ни рассказывали о страшном храме богини Банрах, расположенном на центральной площади и вызывающем суеверный трепет в сердцах наших простодушных селян, но все-таки столица Лаганахара, богатая и недоступная для такой скромной замухрышки, как я, была хороша, сказочно хороша! И лишь одна улица Блентайра, самая эффективная и яркая, не вызвала у меня восхищения, а наполняла душу смутной тревогой и ощущением безысходности. Это была улица Сладких Поцелуев, пестревшая синими, красными и оранжевыми призывными огоньками, зажженными в шелковых фонариках, вывешенных над крылечками миленьких домиков ее специфичных обитательниц.

«Неужели мне не остается ничего другого, кроме как пойти туда, к ним?» – подумала я, брезгливо морщась.

Я, конечно, не ханжа и в свои шестнадцать лет изрядно наслышана о том, что происходит между мужчиной и женщиной под покровом надкроватного балдахина, но... Спаси меня бог Шарро, я ведь не ощущаю в себе ни малейшей склонности к торговле собственным телом, пусть даже возведенной в категорию высшего искусства, сопровождающегося песнями и танцами! Тут я цинично хмыкнула. Отчасти потому, что вспомнила про свои костлявые плечи и почти плоскую детскую грудь, совершенно неуместную под расписным шелковым халатиком жительницы улицы Сладких Поцелуев.

Однако в большей степени смешок касался моей крамольной, но искренней и пылкой веры в бога Шарро, покровителя Полуночных эльфов, его прежних хозяев, изгнанных из Лаганахара. Чего уж тут скрывать – у нас в королевстве столь явная симпатия к пресветлому духу Шарро, слывшему совершенно бесполезным и враждебным к людям божком, не очень-то одобряется, хоть официально и не запрещается. При этой нерадостной мысли я поплотнее запахнула свой порядком изношенный плащ, под полы которого упорно пытался пробраться холодный ночной воздух, и с безнадежным вздохом продолжила рассматривать далекую столицу.

Гильдия Порхающих – весьма уважаемая община в Блентайре, но вопреки этому факту мне бы очень не хотелось быть ученицей одной из состоящих в ней куртизанок, вступая на путь порочных телесных утех. К тому же до меня неоднократно доходили грозные слухи о свирепых воительницах-лайил, покровительствующих гильдии Порхающих, и одна только мимолетная мысль о клыках и ужасных привычках этих тварей наводила на меня безотчетный ужас, заставляя судорожно корчиться от страха. Правда, братья из обители всеблагой богини Банрах учили нас, своих воспитанников, что сущность любого обитателя Лаганахара ничуть не зависит от его расы и что среди представителей каждого народа можно с равной долей вероятности встретить как безукоризненную доброту, так и истинное воплощение зла.

И похоже, мне все-таки придется согласиться с напрашивающимся выводом: если проповеди братьев не грешат против законов богини, то почему бы главе гильдии Порхающих не оказаться «милейшей» тварью с острыми как бритва когтями, испачканными кровью очередной жертвы? Ведь не ведающие жалости лайил так же легко становились и верными жрицами Банрах, искренне пекущимися о процветании ее алтаря... Впрочем, я переживаю зря: лаганахарские куртизанки слишком ценят телесную красоту, а посему принимают в гильдию Порхающих лишь самых прелестных и утонченных девушек. А я... Все же и от уродства иногда бывает польза! Тут я насмешливо фыркнула во второй раз и, покачнувшись, хотя ветра сегодня совсем не ощущалось, чуть не сверзилась со скользкой крыши.

Ночь давно уже перевалила через середину, а я все еще сидела на прежнем месте, осиянная бледно-голубыми лучами Уны – нашего ночного светила. Возможно, бог Шарро и не наделил меня большим умом, но почему-то мне кажется, что этот бренный мир устроен чрезвычайно гармонично. Как холодная Уна восходит на небе, сменяя жаркий, ярко-красный дневной Сол, так и красота в человеке перемежается с уродством, во многом определяя жизненную стезю своего обладателя.

Завтра, в разгар весеннего равноденствия, согласно древнему обычаю нашего королевства представители всех гильдий соберутся в монастыре богини Банрах, чтобы провести ежегодную церемонию выбора учеников. Тогда-то и решится судьба всех безродных монастырских воспитанников, в том числе и моя... И я снова с горечью подумала о том, что порхающие, может, и позовут меня к себе из простой человеческой жалости, дабы спасти от участи стать кормом для жестокой богини. Ибо другие гильдии меня как пить дать не примут.

Вот уж где-где, а в гильдии Торговцев такие простушки, как я, точно без надобности. Эта община предпочитает приглашать мальчишек, да желательно посмекалистей, похитрей, поизворотливей, способных облапошить кого угодно. Пусть это и спорные качества, но сама-то я никакой пронырливостью совершенно не обладаю, ничего подобного за мной отродясь не водилось, любой из братьев обители подтвердит. Девочек, случалось, тоже выбирали в сообщество торговцев, но на моей памяти с воспитанницами нашего приюта подобного не происходило.

О гильдии Воинов я не мечтала ни дня в жизни, да и, честно говоря, не собиралась мечтать. Бессмысленное это занятие и бесполезное! Гильдия Воинов была не самой малочисленной в Лаганахаре, но все ее представители слыли людьми неординарными, в их закрытой общине действовали строгие порядки и праздное любопытство не поощрялось. В этом нет ничего удивительного: годы неусыпного слежения за порядком, минувшие со дня окончания войны, и бывшие заслуги гильдии просто обязывали остальных жителей считаться с ее членами и относиться к ним с уважением и даже благоговением. Воины забирали к себе как юношей, так и девушек, но обязательно рослых (я грустно усмехнулась) и развитых физически.

Наиболее многочисленной являлась гильдия Земледелов. Как же я о них забыла? Братья могли бы предложить земледелам мою кандидатуру, ибо я всегда любила животных и растения, и эта любовь была взаимной. Живописуя свои способности, я ничуть не привираю: даже злобный Туки, гигантский сторожевой пес нашего брата кастеляна, переставал рычать при моем приближении и тут же принимался добродушно вилять мохнатым, обильно усыянным репьями хвостом. Да и грядки картофеля, посаженные мною в монастырском саду, давали самый обильный урожай. А еще я с радостью пропалывала огород, носила воду для полива и возилась с саженцами плодовых деревьев. Я представила себя в центре огромного розария, напоенного ароматом распускающихся бутонов, и рассмеялась повторно, на сей раз чуть веселее.

Я вообще с удовольствием смеялась по любому поводу и, не менее часто, совсем без него, за что большинство сверстников меня откровенно не понимали и недолгоблюдали, а

некоторые без обиняков дразнили «юродивой с Пустоши». Но вот беда, для адептов гильдии Земледелов сила и выносливость важны ничуть не меньше, чем для воинов. А у меня руки похожи на хрупкие тростинки, неспособные поднять ничего тяжелее лейки с водой, да и ростом я не вышла. Нет, не станут вечно обремененные хлопотами земледелы тратить усилия на обучение такой малявки, как я. Ведь нет никакой гарантии, что я еще подрасту и перегоню хотя бы десятилетнего малыша Ринни.

Итак, я педантично, в несколько заходов, снова перебрала в уме все оставшиеся неучтенными гильдии: Целителей, Охотников, Метельщиков, Уравновешивающих. Ох, как ни крути, а остаются только порхающие... По слухам, у них наблюдается постоянный недостаток рабочей силы, ведь многие богатеи почитают за честь взять себе жену, прошедшую такую изощренную школу доставления наслаждений. Но себя не обманешь: кроме ярого нежелания торговать своим телом и подсознательного страха перед лайил у меня имеется еще одна вполне весомая причина, мешающая поступлению в гильдию куртизанок, певиц и танцовщиц.

Несмотря на собираемую нами милостыню и помощь попечительского совета, монастырю вечно не хватало денег, поэтому проживающих в приюте сирот кормили скудно, а одевали и того хуже – в обноски с чужого плеча или в одинаковые серые балахонистые рубашки до пят, сшитые из жесткого полотна. К этой смахивающей на рубище рубахе прилагались пара деревянных башмаков и коричневый шерстяной плащ, днем защищающий от зноя или холода, а ночью выполняющий функцию одеяла. Невзрачные, худые и нелюдимые, словно призраки, приютские воспитанники ничем не отличались друг от друга, напоминая горошины из одного стручка. И лишь мой наряд несколько разнился с одеяниями всех прочих сирот, что вызывало у них пренебрежение и нездоровый интерес.

В тот злополучный день, когда я вынужденно решила впервые немного изменить свою одежду и, разрезав спину рубашки, пришила к ней небольшую мешковатую заплату, мальчишки долго изумлялись. А их бессменный главарь, черноглазый красавчик Арден, глумливо расхохотался и обозвал меня старой горбатой ведьмой. У меня едва хватило выдержки, чтобы медленно отвернуться и с достоинством (точнее, с его бледным подобием) гордо уйти прочь, в спальню девочек.

И лишь закрывшись в дортуаре, я свернулась комочком на своем тощем тюфяке и дала волю слезам. Подумать только: ОН, не кто другой, а именно ОН – безжалостно обозвал меня, сравнив с омерзительной старухой! Да я бы согласилась стократно вытерпеть подобное оскорбление от кого угодно, но только не от него! Эти слова прозвучали особенно унижительно потому, что их произнес Арден, который и так все время изощренно придирался ко мне, норовя задеть побольнее. А ведь он нравился мне гораздо больше, чем остальные мальчишки!

Кстати, далеко не все в приюте считали меня уродиной. «Эльфичка» – так ласково называли меня подруги за маленький рост, хрупкую фигурку и чуть заостренные ушки, забавно выглядывающие из-под прядей густых, иссиня-черных, крупно выющихся локонов, спускающихся ниже пояса. Впрочем, острыми ушами у нас в Лаганахаре никого не удивишь, ибо Зачарованное побережье находится всего в двадцати лигах к северо-востоку, а остроухие дети иногда рождаются даже у жительниц Блентайра... аккуратно через девять месяцев после окончания ежегодной осенней ярмарки. Возможно, и я (исходя из подробностей, нет-нет да проскальзывающих в откровениях братьев монахов) родилась в самом начале лета, а потому вполне могла являться плодом чьей-то преступной любви. Другое дело, что эльфов у нас откровенно не любят и даже побаиваются...

Мысли о ярмарке с ее сказочным калейдоскопом непрерывно сменяющихся развлечений и бесконечными чудесами на несколько минут оторвали меня от безрадостного гадания

о завтрашнем дне. По давней традиции на осеннюю ярмарку съезжались представители всех проживающих в наших землях рас, каждый год норовя удивить всех собравшихся каким-нибудь небывалым достижением или открытием. Поговаривают, будто на ярмарке может случиться абсолютно все, даже то, что невозможно в другое время и в ином месте... Размышляя о волшебной атмосфере ярмарки, я вдруг осознала, что напрочь забыла об еще двух гильдиях нашей столицы, члены которых часто появляются именно на этих многолюдных мероприятиях. Причем о первой из них я не то чтобы вздумать – даже и мечтать не смела, а названием второй у нас частенько пугают непослушных детей.

Безусловно, самой таинственной среди всех профессиональных общин Лаганахара считалась гильдия Охотников – древнее братство, члены которого клялись друг другу в вечной дружбе и взаимовыручке, собственной кровью скрепляя приносимые ими обеты, а умирать уходили в лес. По крайней мере, так рассказывали в соседней деревушке Ролсби. Но, невзирая на все секреты, эта гильдия внушала мне не страх, а вполне обоснованное почтение, потому что ничего плохого за ней не числилось.

А вот гильдия Жрецов, огражденная от постороннего вмешательства непроницаемым заслоном из малопонятных простому обывателю ритуалов, церемоний и обрядов, пугала меня гораздо больше, чем все остальные. Хотя иногда казалось, что половина из всех страшилок, приписываемых жрецам, – пустопорожние сказки и враки. Ну не могут же служители великой богини Банрах и в самом деле быть чудовищными тварями! Хотя, возможно, как раз таки могут, стоит лишь задуматься о прискорбной участи детей, не попавших в какую-либо из гильдий... Знание срывает с происходящих в нашей жизни событий покров таинственности, превращая их в банальное и прозаичное бытие. Неведомое же, наоборот, страшит до безумия, обрастает нелепыми домыслами, а в итоге оказывается лишь страшной сказкой. При этом мы зачастую забываем о том, что суровая реальность по своей сути намного превосходит любую сказку, оказываясь еще неизбежнее и безысходнее.

Надо сказать, суровая реальность заключается в том, что при всей своей власти, кажущейся непререкаемой, главной силой в Блентайре все-таки являются отнюдь не король Вильям и не гильдия Жрецов... Стоило вспомнить о самой таинственной общине в городе, как сердце забилось сильнее, норовя выскочить из груди, и я нервно обхватила себя худенькими руками, унимая внезапно появившуюся дрожь. Ибо теперь пришел черед подумать о гильдии Чародеев...

Каждый раз, едва заведя на дороге всадника, облаченного в расшитый звездами плащ, я невольно задерживала дыхание и восторженно провожала его взглядом ровно до тех пор, пока он не пропадал из поля зрения. Само собой разумеется, я проделывала сие действие тайком, смирнехонько затаившись где-нибудь поодаль, за камнем или кустом. Восседающие на великолепных скакунах, со сверкающими хрустальными звездами на груди – эти люди казались мне воплощением всего самого удивительного и прекрасного, что существовало в нашем скорбном мире. Чародеи – моя заветная мечта, мои идеалы, мои кумиры. Смогу ли я когда-нибудь стать одной из них?..

Я изо всех сил замотала головой, отчаянным усилием воли прогоняя прочь эти заманчивые видения, заполонившие мой явно сбрендивший рассудок. Чародеи никогда не якшались с безродными нищими сиротами, они принимают в свои ряды лишь самых одаренных детей из благороднейших семейств королевства. Да я даже на пять шагов не сумею приблизиться к Звездной башне! Вот еще, только этого мне не хватало – поверить в свою безумную фантазию!

Ни для кого не секрет, что дети, несущие в своих жилах даже самую малую толику эльфийской крови, от рождения чрезвычайно восприимчивы к магии и способны творить кое-какие примитивные чудеса, не проходя обучение у чародеев. Я тоже не стала исключением из вышеназванного правила и давненько выучила несколько банальных заклинаний.

Но опять же в нашем монастыре я не являлась единственным ребенком с зачатками магических способностей, хотя братья и не поощряли демонстрацию оных.

В приюте ходили смутные слухи о возникшей по неизвестной причине негласной вражде между гильдией Чародеев и Братством великой богини Банрах, но внешне это никак не проявлялось. Единственным признаком вражды было то, что представители гильдии Чародеев уже несколько лет избегали появляться на церемониях выбора учеников в тех местах, которые хотя бы косвенно были связаны с именем богини. Но надежда, как известно, умирает последней, и посему я мечтала хоть краем глаза увидеть стройную фигуру в вышитом звездами плаще, почтившую своим присутствием нашу скромную обитель.

И вот теперь, когда я точно и досконально воспроизвела в уме все гильдии, мои мысли упрямо возвращались к обитательницам невысоких домиков, расположенных по обе стороны улицы Сладких Поцелуев. Какое красноречивое название! Нет, я туда не хочу! Но вот беда, при всем моем отвращении к ремеслу куртизанки (все-таки эта перспектива более предпочтительна, нежели участь стать мясом в храмовом котле) я не переставала тревожиться о том, смогу ли работать – нет, даже просто учиться в гильдии Порхающих.

Смешно это – бояться не попасть туда, куда попадать совершенно не хочется. Их ужимки, флиртующие заигрывания с мужчинами – как же это отвратительно! Это поведение не имеет ничего общего с настоящей любовью, воспетой в запретных эльфийских книгах. Кстати о любви... Не так давно моя подруга Элали позволила разочек подглядеть, как она целуется с красавцем Арденом. Благодаря ее жалостливой помощи я с грехом пополам получила представление о том, чем обычно занимаются мужчина и женщина, оставшись наедине.

Наша беседа, носящая интимный характер, состоялась с месяц тому назад на огороде, среди требующих срочной прополки капустных грядок. Элали, каким-то непостижимым для меня образом даже в своей невзрачной монастырской одежде умудрявшаяся выглядеть безупречно ухоженной и привлекательной, отбросила за плечи длинные белокурые косы и болезненно поморщилась:

– Работать, да еще в такие дни...

Я удивленно моргнула, совершенно не поняв смысла ее реплики. А какой сегодня день? Уж точно не праздничный...

– А ты разве еще не стала девушкой? – спросила она, встретив мой недоумевающий взгляд.

– Э-э-э... – растерянно замялась я. – Как это?

– Стать девушкой – значит обрести возможность иметь детей, – туманно намекнула Элали.

– Э-э-э... – еще сильнее стушевалась я. – Иметь детей?

– Глупая! – покровительственно хихикнула подруга. – Небось до сих пор веришь в сказки, будто детей находят в капусте?

– Их туда аист роняет! – улыбнулась я, стремясь побыстрее свести к безобидной шутке довольно щекотливый разговор, смущающий меня до невозможности.

– Точно! – окончательно развеселилась Элали. – Причем некоторых, судя по их скудным умственным способностям, головой вниз.

– Брат Флавиан утверждает, что дети ниспосылаются нам по милости богини Банрах, – авторитетно заявила я, смиренно опуская глаза долу, перехватывая тяпку поудобнее и остервенело врубаясь в колючие сорняки.

– Ну да, как же, слушай его больше... Хотя нашим монахам простительно прозябать в невежестве, – небрежно фыркнула излишне опытная для своего юного возраста девочка. – Хочешь, покажу тебе правду? А то ведь так и помрешь дура душой.

И ведь показала-таки! Помню свой стыд, а еще жгучую зависть к белокурой Элали, нежившейся в объятиях того, чей образ частенько являлся мне в одуряюще нескромных ноч-

ных снах... Но при всем желании я так и не сумела вообразить себя на месте подружки, с игровой улыбкой принимающей ласки стройного смуглокожего юноши. Не уверена, что позволила бы ему вот так же расстегнуть мою рубашку и уложить меня на спину (я почувствовала, как при этой мысли лицо залила краска)... Ах нет, я же не могу этого сделать! Я никогда не смогу лечь на спину – даже ради любви Ардена, поэтому я и сплю-то всегда на животе, а в классе беру скамеечку без спинки, чтобы ненароком не повредить...

Именно этот секрет выделяет меня среди остальных приютских детей, и, пожалуй, я отличаюсь от них не в лучшую, а в гораздо худшую сторону. Не знаю, как это произошло: поразило ли меня врожденное специфическое уродство или же стряслось еще что-то более ненормальное, но случилось самое страшное из всего, что только может случиться с ни в чем не повинным человеком. Я родилась не такой, как все нормальные люди! В Книге Преданий, которую я с большим трудом сумела на полчаса выкрасть из монастырской библиотеки, а затем незаметно положила на прежнее место, черным по белому написано: во всем нашем мире крыльями обладали лишь одни разумные существа – высшие правители из клана Полуночных эльфов. Да-да, это те самые проклятые Перворожденные, которые развязали войну за Блентайр и чуть не истребили людей.

Но Полуночные проиграли решающую битву и ушли неведомо куда, оставив свой город людям-победителям. С тех самых пор человеческий род яростно ненавидит всех эльфов, а крылатых – особенно, очень неохотно мирясь с присутствием Полуденных, иногда покидающих свой Зачарованный берег, чтобы посетить осеннюю ярмарку. Да, походка эльфов и по сию пору легка, а шаги невесомы, но иметь крылья не разрешается ни самим Перворожденным, ни их потомкам. Каждый выявленный людьми крылатый – это враг, ублюдок, злодей и подлое отродье, на веки вечные проклятый богиней Банрах!

Никто из старожилів Ролсби, как я ни теребила их своими надоедливymi расспросами, так и не смог вспомнить ни одного случая, когда крылатый эльф хотя бы раз появился в окрестностях Блентайра за последние пятьдесят лет. Кое-кто из старейшин упоминал, что где-то севернее, за Белыми горами, они, возможно, еще живут... Но звучало это не как правда, а как сказка, специально выдуманная для охваченного навязчивой идеей ребенка, поэтому скоро я отступилась и перестала докапываться до истины. Своевременно поняла, что делаю это во вред себе, ведь на меня уже поглядывают искоса и с подозрением перешептываются за спиной. За моей горбатой спиной... Ибо все-таки не зря я испортила рубашку, пришивая к ней небольшой мешочек, способный вместить мой горб. Все в округе относились ко мне снисходительно и чуть брезгливо, прощая странное поведение, потому что считали убогой уродкой, несчастной калекой, стесняющейся своей искривленной спины. Но они оказались неправы, ибо на самом деле это был вовсе не горб!

Я выпрямилась во весь рост и огляделась так бдительно, как будто в этот полуночный час кто-то мог увидеть мою шуплую фигурку, стоящую на скользкой крыше колокольни, и тихонько развязала тесемку плаща. Длинная рубашка, подобная тем, которые носили остальные приютские воспитанники, доходила мне почти до щиколоток, башмаки давно сносились от постоянных походов в деревню и обратно, а штанины грубых полотняных штанов смотрелись ровно в три раза шире моих худых ног. Я пошевелила плечами и потянулась, прогоняя все мрачные мысли этой ночи. Ничуть не тяготясь своим необычным грузом, с затаенным удовольствием ощутила то, что носила за спиной...

Между моими лопатками, вырастая прямо из позвоночника, притаился небольшой компактный комочек плоти, состоящий отнюдь не из хрящей или мозолей. По своему желанию я умела трансформировать этот комок, превращая его в свободно распахнутые... крылья! Впрочем, я всегда чувствовала свои крылья, даже не расправляя их. Мудрые монахи рассказывали, будто крылья Полуночных эльфов имели черную окраску, но я знала – мои не такие. Темными у моих крыльев оказались лишь тонкие косточки остова, а оттенок натяну-

тых между ними перепонки, то есть собственно крыльев, менялся в зависимости от времени суток, когда сквозь них просвечивал Сол. Крылья выглядели то серыми, то перламутровыми, то лазоревыми... Вот только, увы, летать я не умела.

Мне стало интересно, в какой же цвет окрасит их Уна. Я стянула через голову свою неумело перешитую рубашку, подумав, что сейчас моя нескромность в полной мере соответствует понятиям порхающих, не обремененных излишней скованностью. Одна, полуобнаженная, на крыше здания, без всякого стыда разглядывающая себя – эта картина мне не понравилась. Я очень медленно осторожно расправила свои тонкие, как у летучей мыши, крылья и повернулась спиной к яркому, молочно-белому диску полуночного светила. Теплый ночной воздух с дружелюбной готовностью овеял плечи и как будто бы укутал мое тело в тончайший шелк. Мне стало невыразимо хорошо, но я тут же мысленно себя одернула: не следует так легкомысленно рисковать и стоять на крыше слишком долго. Нельзя делать глупости!

Я чуть повернула голову и с любопытством заглянула себе за плечо... К своему бесконечному изумлению, я обнаружила, что мои крылья изменились и выглядят сейчас еще красивее. Они показались мне непривычно большими и словно сотканными из мириад серебряных нитей, тонких и прочных одновременно... О-о-о, нынче они уподобились двум серебряным парусам, дерзко несущим меня навстречу самой прекрасной мечте!

Но спустя мгновение мое ощущение изменилось. Переменчивая Уна зашла за тучку, став похожей на слепой лик богини Банрах, сулящей неминуемую кару за все мои грехи. Я испуганно ойкнула и торопливо сложила крылья в обычный маленький комочек, удачно замаскированный под горб. Как обманчив ночной свет! Наверное, он берет пример с меня. Я поспешно оделась и, плотнее завернувшись в плащ, немедленно пустилась в обратный путь, намереваясь побыстрее вернуться в монастырь.

Я тихонько притворила за собой скрипучую садовую калитку, сняла тяжелые башмаки и, держа их в руках, босиком на цыпочках прокралась в монастырскую кухню, стараясь производить как можно меньше шума. К тому моменту время изрядно перевалило за полночь, вся обитель спала, и мне тоже предписывалось давно находиться в дортуаре для девочек и видеть десятый сон, а не шляться эльф знает где. Поэтому я не собиралась лезть на рожон, а хотела незаметной мышкой прошмыгнуть на свое законное место, сохранив в секрете эту ночную вылазку, как проделывала уже неоднократно. Но не тут-то было. На сей раз мне не повезло.

Пробираясь между потушенной плитой и огромным дубовым столом, загроможденным мешочками с кукурузой, чечевицей и фасолью, предназначенными для завтрашнего, а вернее, уже сегодняшнего праздничного завтрака, я вдруг заметила слабый лучик света, пробивающийся из-под двери примыкающей к поварне столовой. Засмотревшись, я выронила один из своих башмаков. Грохот, произведенный обрушившейся на мозаичный пол обувкой, прозвучал оглушительно. Я испуганно юркнула за большущую плетеную корзину с картофелем, но прятаться было поздно. Дверь столовой растворилась, и на пороге четко обрисовался громоздкий силуэт чрезмерно упитанного брата Флавиана, близоручко щурившегося в темноту монастырской поварни.

– Кто здесь? – настороженно спросил монах.

Я молчала, затаив дыхание и до боли прижимаясь к ребристому боку корзины.

Толстый монах с кряхтением нагнулся и поднял позабытый мною башмак. До меня донесся его довольный смешок:

– Йона, разбойница эдакая, а ну-ка, выходи немедленно, я знаю, что ты здесь. Тебя выдали сбитые каблуки, обличающие любительницу долгих прогулок.

Не смея спорить с безупречной логикой брата Флавиана, я выползла из своего укрытия и понуро встала перед наставником, виновато склонив голову и шмыгая носом. Монах беззлобно усмехнулся, оценивающим взглядом охватывая и мой запыленный плащ, и расстрепанные локоны.

– Есть хочешь? – сочувственно спросил он.

Я шмыгнула носом еще жалостливее и усиленно закивала.

Монах гулко захохотал, вернул мне башмак и, крепко ухватив за рукав рубашки, потянул за собой. Мы вошли в столовую, где моим расширившимся от потрясения глазам предстало совершенно нереальное зрелище. Длинный стол, застеленный белоснежной скатертью, оказался заставлен неисчислимым количеством тарелок, наполненных волшебными кушаньями. Я чуть не захлебнулась голодной слюной, ибо давно уже успела переварить выданный на ужин ломоть черного хлеба с сыром, а выставленные на столе блюда благоухали слишком уж упоительно.

Мой неискушенный взгляд сумел распознать зажаренный с мятой кабаний окорок, лягушек в чесночном соусе, пирог с румяной корочкой, горшочки с паштетом, а дальше шло такое, название чего я просто не знала. Во главе стола важно восседал наш брат настоятель, а по правую руку от него жеманно поджимала губы сьерра¹ Каталина, знатная дама из столичного попечительского совета.

– Это что еще за мелкая замухрышка? – Щедро покрашенные брови сьерры Каталины, похожие на двух толстых черных змей, изумленно изогнулись и поползли вверх. – Вроде бы дети из младшей группы живут в отдельном корпусе?

– Эту девочку зовут Йохана, и завтра она примет участие в церемонии выбора учеников, – доходчиво пояснил брат Флавиан, подталкивая меня к лавке. – Садись, Йона, поешь.

Но я робела. Тогда монах легко меня поднял, будто перышко, и силой усадил за стол, а потом еще и пододвинул тарелку с поджаристой куриной грудкой. Такой вкуснятины я не пробовала никогда в жизни, а поэтому немедленно с кошачьим урчанием впилась в сочное мясо, разом позабыв обо всем на свете.

Дама-попечительница продолжала рассматривать меня с явным неодобрением:

– Так ей уже исполнилось шестнадцать?

– Или скоро исполнится, – равнодушно подтвердил брат настоятель. – Малозначительная разница в сроках не противоречит правилам церемонии. Хотя мы не знаем точный день ее рождения. Подходит ли она вам, сьерра Каталина?

По моей спине побежали мурашки нехорошего предчувствия.

Вместо ответа дама взяла со стола подсвечник и приблизила его к моему лицу, придирчиво рассматривая меня на манер опытного барышника, выбирающего лошадь на рынке.

– А она ничего, – иронично протянула столичная гостья. – Пусть худенькая и невысокая, в пике нынешней моде на рослых девушек, но фигурка у нее на удивление пропорциональная и ладная. Волосы – воистину шикарные.

Она бесцеремонно ухватила меня за прядь у виска и заставила поднять подбородок от тарелки.

– А глаза, – тут на щекастой физиономии почтенной сьерры промелькнуло смешанное с завистью восхищение, – и того лучше.

– Чудесные глаза, – плотоядно мурлыкнул четвертый участник позднего застолья, молодой брат Морис, нередко встречающий меня на заднем дворе приюта и одаривающий липкими улыбочками. – Необычные, неповторимые. Сиреневые, с золотыми крапинками, напоминают лепестки бутона королевской мальвы.

Сьерра Каталина удовлетворенно хмыкнула:

¹ **Сьерра** – вежливое обращение к замужней даме; **сьерр** – к мужчине; **сьеррина** – к незамужней девице в Лаганахаре.

– А ее острые уши? Она родилась от связи с эльфом?

– Полагаю, что так все и произошло, – печально вздохнул брат Флавиан. – Девочке, видимо, было всего несколько дней от роду, когда мы нашли ее под дверью нашей обители... Ее и еще одного мальчика чуть постарше... Они – подкидыши.

Услышав последние слова монаха, я заинтригованно наострила свои и без того острые ушки. Про мальчика я ничего не знала.

– Вы смогли раскрыть тайну их происхождения? – продолжала допытываться настырная дама-попечительница.

– С мальчиком все обстоит намного проще, – вступил в разговор брат настоятель. – Он, безусловно, происходит от благородных родителей, ибо в его корзине лежала записка с выбранным для него именем, а на шейке младенца мы обнаружили золотой кулон в форме меча.

– И его зовут? – жадно спросила сьерра Каталина.

– Арден.

Я взволнованно икнула, потому как знала из Книги Преданий: изображение меча входит в старый, еще эльфийский герб Лаганахара, что тщательно замалчивается. А в самом Ардене буквально все так и кричит о его дворянском происхождении: красота, ум, стать, смелость общения, благозвучный голос... Ну и любовь к симпатичным девушкам – тоже.

– Интересно... – Очередная реплика дамы вывела меня из состояния задумчивости. – И их никто не искал?

Брат Флавиан с сожалением развел руками, показывая, мол, никто.

– Интересно! – еще более эмоционально протянула сьерра Каталина. – Но вы посудите сами – девочка тоже явно не из простых: у нее очень аристократичное личико, точеный носик и длинные, изящные пальчики – первый признак хорошего рода. А если ее еще откормить да приодеть...

– Тогда из нее выйдет настоящая красотка! – язвительно хохотнул брат Морис. – Аппетитная крошка, милашка, не так ли?

Дама расплылась в согласной, неприкрыто циничной улыбке. Я испуганно сжалась в комок. Эта женщина мне не нравилась.

Брат Флавиан не обладал красотой Мориса, а его бугристое, испещренное оспинами лицо выглядело словно поклеванное птицами. Но в отличие от своего молодого и заносчивого собрата он имел доброе сердце, искренне равнодушное к моей будущей судьбе. А поэтому он сразу же разгадал терзающие меня страхи и решил помочь.

– Милашка, да не совсем... – Резким движением сообразительный монах сдернул окутывающий меня плащ. – Удостоверьтесь сами, благородная сьерра.

Лицо брата Мориса перекошилось от обуявшей монаха смеси отвращения и вожделе-ния, принимая вид похотливой гримасы, уже неоднократно подмеченной мною при наших встречах.

– Горбунья! – громко взвизгнула сьерра Каталина. – Как это ужасно! Но... как это прелестно!

Мы оба, я и брат Флавиан, с недоумением уставились на попечительницу.

– Крошка, хочешь стать куртизанкой и попасть в гильдию Порхающих? – вкрадчиво осведомилась соблазнительница, покровительственно обнимая меня за плечи. – Некий князь, наш постоянный клиент, весьма равнодушен к таким вот ущербным красавицам. Я запросто устрою тебя в его гарем. Соглашайся же, Йохана!

Она смотрела на меня с такой корыстной заинтересованностью, что все мои мурашки немедленно перебежали на живот и собрались в одном месте где-то в районе пупка, мешая мне дышать.

Брат настоятель одобрительно кивнул, подтверждая: да, такой шанс выпадает лишь раз в жизни, соглашайся. Но меня передернуло от омерзения.

«Смилуйся надо мной, бог Шарро, – беззвучно взывала я. – Неужели меня ожидает именно то, чего я опасалась больше всего?»

– А лайил? – судорожно выдохнула я, чуть не подавившись недожеванным куском курицы.

– А что лайил? – ненатурально удивилась дама. – Они почти ничем не отличаются от нас, людей. Князь заплатит за свою любовницу хорошую цену, и лайил тебя уже не тронут, ведь среди всех рас Лаганахара соблюдается справедливый принцип: свобода, равенство, братство. А ну-ка, повтори!

– Швобода, лявенство, – невнятно пробубнила я сквозь застрявшее в зубах мясо, – бя...

– Хватит! – возмущенно оборвала меня сьерра Каталина. – Запомни, наши девушки обладают образцовыми манерами и никогда не употребляют грубые слова!

Губы брата Флавиана изогнулись в ухмылке. Он заговорщицки подмигнул мне, сигнализируя, что, дескать, уже догадался о том, каким путем я смогу вырваться из цепких лап сьерры Каталины. А я в свою очередь прекрасно поняла красноречивую пантомиму заботливого наставника.

– Йона, передай сьерре Каталине вилочку, а то она сегодня почему-то мало кушает...

– Зачем? – скандальным голоском поинтересовалась я, наконец-то проглотив злополучный кусок.

– Тебе ведь только что рассказали о правилах хорошего тона! – вовсю лицемерил брат Флавиан, спасая меня от гильдии Порхающих.

– Зачем ей вилка? – продолжала наигранно вредничать я. – Вы же сами вчера говорили, будто эта дама жрет, как лошадь.

– Что? – Щеки сьерры попечительницы покрылись красными пятнами гнева. – Да как ты смеешь грубить, мерзавка?! Убирайся с глаз моих долой, в нашей гильдии хамок не держат! – И она отвесила мне смачный подзатыльник. – Дрянь неблагодарная! Тебе прямая дорога в храмовый котел!

Получив осязаемое ускорение, я птичкой спорхнула со скамьи и рысью устремилась к выходу из столовой. Вслед мне летели базарная ругань дамы, мгновенно утратившей всю свою изначальную импозантность, витиеватые проклятия брата настоятеля и злорадный смех Мориса.

– Мы еще встретимся, – злобно процедила досточтимая сьерра, – и обещаю, тогда ты уж точно пожалеешь о том, что родилась на свет!

И один лишь брат Флавиан молчал, не зная, помог ли он мне или же, наоборот, усугубил мою и без того незавидную участь. Но, прокравшись в спальню и вытянувшись на своем тощем тюфяке, я беззаботно улыбнулась, ибо если ребенок хочет делать гадости, то лучше не мешайте, не указывайте ему на мораль и приличия. Ведь иначе он обязательно найдет способ сотворить эти гадости на другой лад, ничуть не выходя за рамки обманчиво примерного поведения!

Глава 2

– Девчонка... – Негодующее шипение, похожее на змеиное, шло сверху, от массивного, выполненного из черного мрамора постамента, занимающего центр зала. – Наследница крылатых, последнее усилие выдохшейся судьбы и мой личный недосмотр... Как много неприятностей способна принести она в будущем! – Обертон раздражения превратился в злобный свист, ненавидящий, ледяной, замораживающий душу. – К несчастью, ее охраняет особое благословение моего слабохарактерного братца, поэтому так просто от нее не избавишься... – В недобром голосе проскользнули задумчивые интонации. – Тут требуется постоянный контроль и надзор, исполнение коего я и хочу поручить тебе, дочь моя.

– Приказывай, владычица Банрах! – Затылок девушки, покорно склонившей перед статуей богини свою непокрытую голову, услужливо качнулся. – Я целиком и полностью в твоей власти.

– Знаю, знаю, – лениво протянула змееликая Банрах и булькающе рассмеялась. – Мне пришлось немало потрудиться, чтобы вбить в ваши донельзя упрямые мозги вот эту главную мысль: всякая жизнь оканчивается неминуемым переходом во Тьму, а следовательно, падением в мои выжидающе распахнутые объятия! Не так ли, жрица?

– Воистину так, – покорно подтвердила коленопреклоненная девушка, тщательно скрывая обуревающие ее сомнения.

«И все же хоть я и служу тебе, но все больше верую в его правоту! Ведь перед самой смертью он все-таки отринул твою черную милость, и его раскаявшаяся душа вознеслась высоко, в наполненное светом небо! – подумала жрица, предавшись дорогим ее сердцу воспоминаниям. – Клянусь, в миг его праведной кончины я явственно расслышала шелест крыльев белоснежных мантикор, унесших душу прощенного Финдельберга к подножию престола бога Шарро! А значит, ему удалось избежать Тьмы и твоих черных объятий, Банрах...»

– Она родилась вопреки моему желанию, – продолжала вещать богиня, не заметив мысленного отступничества своей жрицы, внешне демонстрирующей похвальное послушание и преданность. – Родилась наперекор влиянию Проклятой эпохи, своим появлением дав всему Лаганахару слабую надежду на спасение и новое возрождение. Но я не позволю...

До слуха жрицы, испуганной столь очевидным проявлением гнева богини, вдруг донесся громкий треск, недвусмысленно указывающий на то, что мраморная статуя змееликой силится сойти со своего постамента. И на краткий миг жрице померещилось, что Банрах вот-вот сможет воплотить свою дерзкую попытку! К счастью, этого не произошло. Богиня разочарованно вздохнула, проклиная свои каменные оковы:

– Ненавистные Неназываемые, ну почему они не дали мне возможность хотя бы временно обрести физическую плоть на территории Блентайра? Почему они наделили данным правом лишь этого велеречивого слюнтяя, моего братца Шарро?

Вопрос повис в воздухе.

– Но все равно, – мстительно пообещала Банрах, – я не позволю какой-то там девчонке, пусть даже несущей его дар и объединившей в себе уникальные способности правителей всех трех эльфийских кланов, разрушить мои планы. Не позволю сотворить подобное ни ей... – тут ее интонации обрели доселе невиданную жесткость, – ни этому смазливому мальчишке, потомку Адсхорна Полуденного!

– О-о-о, наследник морских эльфов?! – потрясенно вымолвила шокированная подобной откровенностью жрица.

– Да, – пренебрежительно фыркнула богиня. – Еще один избранный полукровка, появившийся в результате смешения рас людей и Полуденных эльфов, правнук Адсхорна, единокровного брата Эврилики, Повелительницы мантикор!

Зеленые глаза жрицы восхищенно расширились, но увлеченная своей ненавистью богиня не заметила и этой столь красноречивой реакции, свидетельствующей о многом.

– Я лично позабочусь о будущем нашего прекрасного мальчика, – многозначительно произнесла змеелика, и сия, казалось бы, безобидная фраза не сулила ничего хорошего незадачливому объекту ее пристального внимания. – А ты, дочь моя, – тут жрица вновь послушно склонила голову, – на время покинешь храм и станешь моими тайными ушами и глазами, призванными выследить напороченную девчонку, остановить ее и не подпустить к Запретным горам! Приказываю – найди верный способ и выполни мое поручение! Пусть я слепа, но, к счастью, у меня имеется кое-что получше, чем глаза...

Раздался стук, и на пол храма упал небольшой стеклянный шарик, подкатившийся точно к ногам жрицы.

– Спрячь его в своей одежде, и тогда я смогу постоянно следить за твоими перемещениями, – приказала богиня.

– Я должна выследить Наследницу и убить ее? – чересчур взволнованно переспросила жрица, но ее возбуждение опять ускользнуло от внимания богини, слишком высокомерной для того, чтобы снизить до чуткости к своей пастве, и чрезмерно эгоистичной, чтобы правильно оценить важность подобной реакции. А зря, ведь именно в произвольных эмоциях и кроется истинная суть поведения.

– Убить? – Богиня издевательски рассмеялась. – Нет, тебе это не под силу. Попытайся ее остановить, выведай ее тайны, вотрись к ней в доверие. Я хочу знать, способна ли она осуществить пророчество Неназываемых и каким образом я могу предотвратить их возвращение.

– Но возможно ли вообще совершить требуемое деяние – предотвратить грядущее исполнение пророчества Неназываемых, начертанное на стенах Немеркнувшего Купола? – непритворно изумилась изрядно озадаченная жрица, подбирая с пола подарок Банрах.

– Возможно! – повелительно рыкнула богиня. – Ибо Неназываемые спят вечным сном и уже не правят этим миром, а значит, не помешают мне и не помогут ей. Иди, дочь моя, и да пребудет с тобой Тьма!

Всерьез обеспокоенная возложенной на нее миссией, кажущейся совершенно невыполнимой, жрица рассеянно пожала плечами, поднялась с колен и покинула храм. На выходе она благоговейно сняла свою длинную черную тунику, отороченную золотой каймой, и сменила на простое дорожное платье. Зеленоглазая девушка педантично расчесала доселе свободно распущенные по плечам волосы и заплела их в тугую косу, спускающуюся ниже лопаток. На смену храмовому одеянию она выбрала узкие штаны из лосиной кожи, плотно облегающие ее мускулистые ноги, простую серую шерстяную рубашку, замшевый, обшитый железными бляшками жилет и перевязи двух коротких акинаков², крест-накрест перекрестивших ее крепкую спину.

Девушка опустила шарик – змеиный глаз, переданный ей богиней Банрах, – в нагрудный карман жилета и заботливо поправила ножны мечей так, чтобы они оказались точно под руками. Не замечая ничего вокруг и полностью погрузившись в свои нелегкие думы, она, стройная и прекрасно сложенная, красивая даже в столь неброском наряде, упруго сбегала по ступеням храма, немедленно смешавшись с заполняющей городские улицы толпой, неспособной распознать удачно замаскированную жрицу зловещей богини.

Но при этом на лице прекрасной воительницы сохранялось прежнее озабоченное выражение, а на ее высоком загорелом лбу, свидетельствующем о недюжинном уме, залегла глубокая морщинка – неоспоримый признак терзающих душу сомнений. О нет, движущим мотивом ее преданности змееликой Банрах являлись отнюдь не твердые моральные прин-

² Акинак – короткий меч с широким мощным лезвием.

ципы или личный выбор всесильной богини в качестве покровительницы, а нечто совершенно другое. Это было куда более сильное и потаенное чувство. Зеленоглазой воительницей руководил страх.

Страх – каким разным он бывает! Как часто мы испытываем страх, боясь утратить любовь или потерять власть, лишиться богатства или остаться без крова и средств к существованию. Страх имеет множество причудливых форм и всевозможных обликов, неустойчиво колеблясь между уродливым гротеском: паникой, вызывающей презрение храбрецов, или же достигая вершин ослепительного самопожертвования: страсти, свойственной воспеваемым в балладах героям. Но страх вооруженной парными акинаками девушки был совсем иного рода.

Отойдя на значительное расстояние, жрица обернулась на прощание, хмуро разглядывая темную махину храма, имеющую очертания огромного паука и грузно нависающую над вымощенной брусчаткой площадью. Неосторожные прохожие, по той или иной причине вынужденные посещать именно эту часть Блентайра, торопливо кланялись, отдавая дань уважения, положенную змееликой богине, и чуть ли не бегом устремлялись на противоположную сторону улицы, не смея дышать до тех пор, пока не покинут отбрасываемую храмом тень.

Богиня Банрах являлась официальной покровительницей Лаганахара, но при этом мало кто из истово молящихся ей прихожан испытывал искреннее чувство симпатии к этой кровожадной убийце, питающейся человеческим мясом. Да, она сдерживала наступление пустыни, обеспечивая выживание тысяч за счет приносимых в жертву единиц, но над столицей королевства витала плотная, никогда не исчезающая, а, наоборот, все сгущающаяся аура всеобщего страха, ибо никто не знал, чью жизнь потребует ненасытная богиня на следующий день. Но девушка с акинаками опасалась вовсе не храмового котла...

Человек ощущает себя счастливым, лишь живя в согласии с собой и реализуясь как личность в мире. Зеленоглазая жрица пока не ощущала себя счастливой: внутренне она разрывалась между навязанными матерью правилами, ибо ее покойная матушка много лет подряд занимала пост верховной жрицы богини Банрах, и завещанием, оставленным ей одним горячо любимым человеком, который, достигнув весьма преклонного возраста, скончался несколько недель назад. В глубине души признавая правоту его завещания и ужасаясь злодеяниям богини, молодая жрица впала в глубокое уныние и ощущала себя поистине несчастной. С детства вдолбленный матерью догмат беспочвенного долга перед богиней вступил в неравную борьбу с врожденным стремлением к справедливости. И надо признать – последнее уже сильно перевешивало.

В отрочестве юная воительница чрезвычайно боялась не оправдать ожиданий матери, прочившей ее на свое место в храме. Образ богини Банрах ни в коей мере не соответствовал представлениям о чести и доблести, но девушка безропотно приняла навязанные обеты, следуя традициям семьи, ведь жрицами змееликой служили и ее бабушка, и прабабушка, и прапра... К сожалению, мы слишком часто отвергаем истинный зов своего сердца, взамен совершая благоразумные поступки, которых ждут от нас близкие.

Позднее, повзрослев и поумнев, зеленоглазая воительница начала испытывать вполне здравые опасения перед грядущим одиночеством – единственным спутником жриц кровавой богини. На их долю редко выпадала возможность любить и быть любимой. Наследие, полученное из рук умирающего мужчины, стало единственным лучиком света, забрезжившим в беспроглядном мраке унылого существования и давшим зримую надежду на нечто большее, лучшее, значительное... Но тут, будто назло, она получила это роковое поручение богини, довершившее сумбур, царивший в душе. И теперь она боялась своей возможной несостоятельности, неспособности исполнить обещание, данное умирающему мужчине и значившее так много.

В ее мыслях поселился хаос, сердце словно резали тупым ножом – все это вызывало желание бежать незнамо куда и немедленно что-то делать. Да, делать хоть что-нибудь, лишь бы не стоять на месте, не плыть бездейтельно по стремительному руслу судьбы, неумолимо несшему навстречу чему-то странному, отталкивающему и притягательному одновременно.

Она мечтала о многом из того, чего еще не познала: о любви, настоящей дружбе и даже о том, что считалось в Лаганахаре преступным и недопустимым, – о встрече с проклятыми расами. А особенно отчетливо она осознавала властное вмешательство в свою доселе серую и обыденную жизнь некоего высшего рока или фатума, одинаково беспощадного и к могущественным богам, и к обычным смертным. Исподволь, не признаваясь в том самой себе, она давно жаждала перемен, но, однако, ступевалась и заробела при первом их приближении. А впрочем, судьба – это ведь и есть то, что случается с нами именно тогда, когда мы хотим ее изменить.

Итак, девушка с акинаками никак не могла решить, на радость или на беду она получила загадочное поручение богини, начисто перечеркнувшее ее размеренную прошлую жизнь. Отныне она вступала в полосу непредсказуемых приключений, опасных, но, безусловно, волнующих и важных для участи всего королевства. Она не знала, сумеет ли обрести столь желанный мир в душе, и поэтому мудро постановила не торопить события, а стойко принимать их и относиться по-философски спокойно ко всему, что встретится на пути. Ведь если ты бессилен перед грядущими испытаниями, которым надлежит произойти помимо твоего желания, остается одно: боишься сглазить свое счастье – наплюй на него. И делов-то.

Приняв такое решение, воительница облегченно хмыкнула и уже куда бойче застучала подковками на каблуках сапог, направляясь прочь от храма. Избавившись от необходимости принимать ответственность за нелегкие реалии текущего момента, она почувствовала, как ее настроение постепенно улучшается. Следующий виток событий оказался отсрочен на неопределенное время, что давало возможность передохнуть да набраться сил, готовясь к опасному балансированию между заданием богини и велением собственной души и сердца.

А о том, что случается с предавшими Банрах отступниками, она тогда как-то не подумала.

Громкий размеренный звук ворвался в мой сон, властно скомандовав: «Пора вставать». То звонил главный монастырский колокол, возвещающий о наступлении нового дня. Все как обычно.

Не сдержавшись, я с протяжным завыванием зевнула во весь рот, с трудом разлепляя не желавшие раскрываться веки. Не зря, видать, талдычит брат Флавиан, вбивая в наши легкомысленные головы здравую мысль: «Чтобы выспаться, нужно ложиться спать не в тот день, в который придется просыпаться». Да разве мы его слушаем? А зря, ибо вот до чего доводят самодетельные ночные прогулки и хронический недосып: день начинается из рук вон плохо, а худшей приметы, чем неудачно начатый день, пожалуй, не придумать. Хотя иногда мне кажется, вера в приметы есть не что иное, как самое удобное оправдание собственных неудач, особенно любимое дураками и шалопаями. А посему если сегодняшний день сложится неблагополучно, то винить в этом мне следует лишь нерадивую себя.

Вполне удовлетворившись столь самокритичным выводом, я лениво перевернулась на бок и несколько мгновений бездумно любовалась пылинками, танцующими в столбе струящегося из окна света. В простенке между двумя оконными проемами стояла статуя богини Банрах, находящаяся здесь с незапамятных времен. Искусный мастер вырезал изображение охранительницы всех людей из цельного ствола карликового лавра, и ровно в полдень, когда древесина изваяния нагревалась от разливающегося по спальне тепла, от статуи начинал исходить едва уловимый маслянистый аромат, навевавший грезы о дальних странствиях и заморских городах. Глядя на статую, я поняла, как мне будет ее не хватать...

«Не хватать? Это еще почему?» – удивилась я и, случайно ухватившись за эту подсознательную мысль, тут же чуть не подпрыгнула на тюфяке, звонко хлопнув себя ладошкой по лбу. И с чего я вдруг приняла наступивший день за обыденный и рядовой? Вот ведь, все позабыла от недосыпания, растяпа! Да ведь нынче же состоится церемония выбора учеников! И, подгоняемая своим открытием, я резво соскочила с постели, торопясь реализовать давний, тщательно продуманный план.

К счастью, пока я никуда не опоздала. Половина девочек уже проснулись и одевались, стараясь придать себе как можно более опрятный вид, но моя ближайшая соседка и подруга – рыхлая, высокая Пиолина – еще сладко посапывала, по излюбленной детской привычке сложив руки под пухлой щекой. Осторожно, чтобы не разбудить подругу, я быстро накинула плащ на плечи и выскочила из комнаты, ведь мне очень хотелось не пропустить приезд представителей гильдий.

Построенный добрую пару, а то и тройку сотен лет назад, монастырь богини Банрах представляет собой некрасивое, приземистое, какое-то кургузое здание, неаккуратно сложенное из серого известняка. Наверное, в те счастливые прошедшие годы климат Лаганахара еще не настолько сильно подвергался губительному дыханию Пустоши, поэтому здание нашей святой обители строилось с завидным размахом, что позднее стало восприниматься как неоправданное расточительство.

Сейчас в королевстве экономят на всем. Мертвая, лишенная воды и растительности пустыня, называемая у нас Пустошью, все ближе подступала к границе Блентайра, неся с собой дневную жару и ночной холод, шквальные порывы колючего, насыщенного песком ветра, голод и смерть. Не дождавшиеся дождя деревья засыхали на корню, поэтому в столице стало совсем туго с топливом, а цены на продовольствие взлетели до небес. Детей с каждым годом рождалось все меньше, но даже такое незначительное количество вступающих во взрослую жизнь людей оказывалось непростительной роскошью, обременительным излишком для стремительно нищающего королевства.

Впрочем, по слухам, за пределами Лаганахара дела обстояли намного хуже. Здесь, в Блентайре, жрецы Банрах еще умудрялись кое-как противостоять жестокому натиску пустыни, с помощью богини сдерживая напирющий из Пустоши песок на самых подступах к городу. Но защита змееликой стоила дорого, очень дорого... И как утверждали мудрые чародеи, во всем следовало винить мстительных Полночных эльфов, перед бегством из Блентайра проклявших свое белостенное детище, свою бывшую столицу. Так стоит ли удивляться, что в Лаганахаре так иступленно ненавидят этих крылатых выроdkов!

В открытой со всех сторон галерее, соединяющей девичью башню и центральный корпус монастыря, было довольно прохладно, но я почти не обращала внимания на малопривычный, но сейчас весьма незначительный для меня дискомфорт. На дворе стоял самый разгар солотвора³, но я могла бы по пальцам пересчитать все теплые дни, пришедшиеся на этот весенний сезон. Утром, пока медленно восходящее светило еще не успевало прогреть толстые монастырские стены, в галереях обители царили сырость и промозглый, чуть ли не зимний холод. А дрова стали слишком дорогим товаром, недоступным для нищей монастырской общины. Нет, все-таки это жуткое расточительство – строить настолько огромные здания.

Почти спрятавшись за одну из колонн, поддерживавших массивный свод нашей обители, я, ожидая увидеть пыль, поднятую конскими копытами, жадно вглядывалась в расстилающуюся впереди дорогу, ровная лента которой терялась сразу же за поворотом. Как

³ Солотвор – второй весенний месяц. Дата весеннего равноденствия – пятнадцатый день солотвора, знаменует середину весны.

только увижу пыль, сразу станет понятно: они едут! Но свежий утренний воздух оставался все таким же чистым и бесконечно равнодушным к терзающему меня ожиданию.

Здравомыслящей частью своего сознания, не заинтригованной предвкушением, я отстраненно понимала: все остальные девочки, особенно те, которым, как и мне, предстоит сегодня пройти церемонию, продолжают суетиться в спальне, копошась и толкаясь, словно муравьи. Именно в эту минуту они выбирают рубашки почище и тщательно расчесывают волосы, заплетая их в тугие косы. Интуитивное девичье кокетство, вызванное желанием понравиться, а еще сильнее – диким страхом перед жертвенным котлом.

Законы нашего мира суровы, но справедливы. Дети, перешагнувшие шестнадцатилетний рубеж, имеют право лишь дважды участвовать в церемонии выбора учеников. Так они испытывают удачу и определяют свой будущий жизненный путь. Тот же, кто дважды останется невыбранным и отвергнутым всеми гильдиями, уже не сможет приносить пользу королевству, честно зарабатывая свой кусок хлеба. А в нынешние трудные времена Лаганахар не имеет возможности кормить никчемных изгоев и бездельников. Дальнейшая участь детей, не попавших в какую-либо гильдию, печальна: их ждет острый нож жрецов и жертвенный котел в храме Банрах. Наша наидобрейшая богиня не оказывает милости даром, ведь она тоже хочет кушать.

Но даже теперь, в эту поистине судьбоносную минуту, вся суета, связанная с прихорашиванием, почему-то показалась мне ненужной, второстепенной, малозначительной мелочью. Мне вдруг подумалось, что представители гильдий не станут глупить, в первую очередь оценивая чью-то эффектную копну волос или же выискивая грязные пятна на штанах своих потенциальных воспитанников. Наверняка процессом отбора учеников занимаются мудрые люди. А они-то просто обязаны разделять мое мнение о том, что все самое главное и ценное сокрыто внутри нас и уж точно не нуждается в банальном очковтирательстве.

Углубившись в самоанализ, я чуть не пропустила появление двух экипажей, в каждый из которых была впряжена четверка лошадей – чудо из чудес в Лаганахаре. Лошадей в городе содержалось мало, по пальцам пересчитать можно, и почти все они находились в собственности наиболее уважаемых гильдий – Чародеев, Воинов, Охотников. Не учитывая королевский двор, конечно. Все прочие гильдии вряд ли имели возможность позволить себе такую роскошь, как дюжина великолепных скакунов, хотя Элали иногда рассказывала о некоей знаменитой куртизанке с улицы Сладких Поцелуев, горделиво гарцующей на симпатичной белой кобылке, подаренной ей богатым поклонником. Смакуя подробности жизненных перипетий этой роскошной девицы, моя подруга экзальтированно постанывала и патетично закатывала глаза, вздрагивая от обуревающей ее зависти.

– Элали, – шокированно протянула я, выслушав нескромно озвученные мечтания подруги, – неужели ты хочешь стать продажной женщиной?

– А что в этом плохого? – насмешливо парировала подруга. – В нашем мире продается и покупается все: титулы, связи, родословные. То же самое происходит и с женщинами, причем как с неприличными, так и с вполне приличными!

– Приличные девушки не продаются! – убежденно изрекла я.

Элали посмотрела на меня с откровенной жалостью, изумляясь демонстрируемой мной наивности:

– Продаются. Только стоят они намного дороже!

Но я упрямо мотала головой, не желая соглашаться с ее доводами, хотя в глубине души все-таки осознавала правоту своей не по-детски циничной подруги. Увы, наш суровый мир действительно не прощает слабость и незащищенность, с младенчества приучая детей отстаивать свободу всеми доступными способами, включая применение зубов и когтей. Если ты намереваешься выжить, а не сдохнуть в котле жрецов, хочешь не прозябать, а добиться

успеха, то приспособляйся и решай, что для тебя дороже – голодные принципы или продажность, подслащенная куском сдобной булки с маслом.

В сердце каждого из нас одновременно живут два зверя – добро и зло, постоянно борющиеся между собой. Но в итоге всегда побеждает кто-то один – тот, кого ты лучше кормишь, непрерывно подпитывая своими эмоциями, помыслами и деяниями. И не мни о себе слишком много, не рискуй попусту и даже не пробуй кормить их обоих разом, ибо это невозможно. Ты просто запутаешься, измучаешься и погибнешь.

Кажется, я опять задумалась и поэтому благополучно пропустила тот момент, когда экипажи на большой скорости влетели в ворота монастыря и остановились точно у крыльца, перед братьями, вышедшими встречать почетных гостей. Я смотрела на них во все глаза, надеясь увидеть представителя гильдии Чародеев, как вдруг почувствовала на своем плече чью-то тяжелую руку.

– Воспитанники уже собрались в церемониальном зале. Так почему ты все еще находишься здесь, неразумное дитя мое?

Я покорно обернулась на голос брата Флавиана, стараясь не встречаться с ним взглядом. Меня преследовало острое чувство вины, вызванное моими ночными проделками. Но монах сам взял меня за подбородок и заставил поднять голову:

– Ты выглядишь озабоченной, Йона, и у тебя очень заспанный вид.

«Еще бы, – мысленно усмехнулась я. – Если бы вы полночи просидели на крыше колокольни, то выглядели бы ничуть не лучше меня». Но вслух произнесла совсем другое:

– Скажите, наставник, чем руководствуются люди, выбирающие свой дальнейший жизненный путь?

Возможно, это была игра воображения, но в тот момент мне померещилось, будто на благообразном лице монаха, всегда выглядевшего немного ленивым и даже туповатым благодаря своим трем подбородкам, внезапно промелькнуло недоумение, мгновенно перешедшее в восхищение. Брат Флавиан наклонился и по-отечески нежно поцеловал меня в лоб:

– Поздравляю, моя дорогая девочка, ты начала взрослеть. Теперь ты задумываешься не только о проказах и уворованной с грядок редиске, но также видишь несоизмеримо дальше собственного носа, в отличие от своих друзей, равнодушно плывущих по течению жизни. Но учти, быть умным трудно, а подчас и опасно. Знания обостряют чувство справедливости и стократно усиливают стремление к добру. Знания становятся обременительным грузом, ибо чем больше тебе известно об истинном устройстве мира, тем больше лишнего ты узнаешь...

– Лишнего для кого? – с любопытством спросила я, сразу же уловив некую странную недоговоренность, прозвучавшую в словах монаха.

Но брат Флавиан лишь опечаленно вздохнул, уклончиво уходя от ответа:

– Не спрашивай меня, Йона. Чужой опыт никогда не заменит свой собственный, дающий нам ой как нелегко. Запомни – молодость отважна и безрассудна, поэтому именно она толкает нас на необдуманные поступки, побуждая безоговорочно принимать сторону добра или зла. Но, становясь старше, люди утрачивают бескомпромиссность юности и начинают видеть серое, не принадлежащее ни добру, ни злу и при этом вбирающее в себя и то и другое. Наш мир сер, но люди не умеют становиться серыми, а потому у каждого из нас складывается свой индивидуальный путь к богам, и рано или поздно тебе тоже придется определиться со своим выбором. Воздержаться же и остаться в стороне не удавалось еще никому.

«К которому богу?» – хотелось воскликнуть мне, но главный колокол важно загудел, возвещая о начале церемонии выбора учеников.

– Беги в мыльню, умойся и причешись, – ласково хлопнул меня ниже поясицы наставник, – а то твои волосы напоминают растрепанное воронье гнездо!

Не смея ослушаться полученного приказа, я помчалась приводить себя в порядок, но все же услышала последнее наставление брата Флавиана, высказанное задумчивым шепотом:

– Знай, дитя мое, в критических ситуациях у нас уже не остается времени на принятие обдуманного и верного решения, а есть только несколько мимолетных секунд для его исполнения.

Признаюсь честно, тогда я еще не понимала вложенного в эту фразу смысла, а запомнила ее как некое неоспоримое, непреложное правило. К тому же я торопилась, а посему не приняла близко к сердцу слова брата Флавиана, отлично знающего о том, что давать советы детям – занятие в высшей степени бесполезное и неблагодарное. Ибо советы – это и есть то единственное, добавки чего молодежь не попросит никогда и ни за какие коврижки. Забегая вперед, могу сказать: постичь истинную сущность откровений моего мудрого наставника мне предстояло намного позже, причем весьма запутанным, опасным и болезненным способом...

Попав в мыльню, я торопливо побрызгала себе на лицо холодной водой и испытующе всмотрелась в собственное отражение, кривовато покачивающееся в полупустом медном тазу. Будто впервые в жизни я оценивающе разглядывала свои высокие скулы, чуть впалые щеки, плавно переходящие в упрямый, слегка выступающий вперед подбородок и гладкий бледный лоб. Детские ямочки исчезли уже пару лет назад, а вот мелкие рыжие веснушки остались на прежнем месте, чему я была только рада. Я очень любила свои сиреневые с золотистыми крапинками глаза, считая их единственной достойной внимания деталью.

Нет, я вовсе не причисляла себя к безнадежным уродинам, но вот нос, на мой вкус, выглядел слишком тонким, а губы, наоборот, казались излишне пухлыми. Да еще эти заостренные эльфийские уши, будь они прокляты... И почему я такая нескладная? Маленькая, тонкокостная, с недоразвитой мальчишеской фигурой. А мои буйные, иссиня-черные, не поддающиеся укладке локоны! Я попыталась быстренько сотворить что-нибудь приличное со своими непослушными волосами: сначала заправила за уши, потом попробовала распустить спереди по плечам, но, осознав тщетность всех ухищрений, просто стянула их вовремя обнаружившейся в кармане веревочкой. Спаси меня бог Шарро, только бы не опоздать к началу церемонии, ведь чаще всего мы опаздываем в двух случаях – специально и когда очень торопимся успеть!

Ход времени неумолим. Именно время без остановки вращает скрипучее колесо нашего существования, сменяя дни месяцами и годами, чередуя сезоны природных циклов и поколения людей. Под влиянием времени в наш мир приходят новые эпохи, а старые уходят в небытие, исчезают навсегда, оставляя после себя воспоминания, которые постепенно превращаются в легенды. Легенды, в свою очередь, обрастают невероятными деталями и становятся мифами, но даже они забываются, особенно в том случае, если эпоха, породившая их, получает название Проклятой.

И вот однажды, в некий год именно такой эпохи, поименованный Годом великого исхода Перворожденных из Блентайра, в глубине песчаной Пустоши зародился Голос, не принадлежащий ни эльфу, ни человеку. Он преданно служил утратившим свою власть Неназываемым, хотя ни во что не вмешивался, а лишь пристально наблюдал за пошатнувшимся равновесием добра и зла. Этот Голос не был началом чего-то важного, ибо у бескрайнего течения времени нет ни начала, ни конца. Однако сей странный Голос все-таки стал невольным предтечей всего, что происходит здесь и сейчас...

Сегодня Голос наслаждался привольем. Он беспрепятственно проник за мощную стену Блентайра, лентой обернулся вокруг высоченной башни, хозяйски поглаживая ее идеально подогнанные камни и лениво колышущиеся флаги, венчающие крышу. Это здание выгля-

дело изысканно-грациозным и одновременно являло собой наглядное выражение чьей-то непоколебимой воли, тяжело довлевшей над столицей, нависшей над ней, словно неумолимый рок судьбы или карающий замах пудового кулака власти.

Возможно, всем тем людям, которые жили и умирали в Блентайре на протяжении целых трех тысяч лет его существования, это сравнение могло показаться мрачной метафорой. Но на самом деле лишь немногие из горожан, видевшие эту башню изо дня в день, знали правду или хотя бы догадывались о творимых внутри нее преступлениях. Похожая на устремленную прямо в небо иглу и населенная наимудрейшими из самых мудрейших людей Лаганахара, сия башня носила имя Звездной, но, увы, не являлась таковой по сути, ибо ее сердцевина подверглась разрушению гордыней, завистью и лицемерием, а поэтому давно уже прогнила насквозь.

Голос беспрепятственно промчался сквозь город, напоминавший скорее произведение искусства, нежели обычную столицу людей. Впрочем, в этом факте не обнаруживалось ничего удивительного или противоестественного, ибо Блентайр построили не кто иные, как эльфы – непревзойденные архитекторы, скульпторы и маги. Каждое здание столицы стало истинным чудом, созданным умелыми руками Полночных. Даже простые гранитные скамьи, там и сям разбросанные между тенистыми аллеями главного городского парка, были воплощением совершенной красоты. Куда ни кинь взор, всюду перед тобой немедленно предстают затейливые архитектурные изыски: то купол храма, выполненный в образе восходящей над облаками Уны, то должный литься с крыши здания фонтан, спроектированный в виде двух встречных волн. По обе стороны мостовой одной из улиц размещалась пара трехэтажных зданий, выполненных в форме жриц богини Банрах. Мраморные создания – наполовину строения, наполовину статуи – тянулись друг к другу каменными руками, сложенными в жесте радушного приветствия. Их волосы неподвижной волной спадали назад, но были сделаны столь искусно, что казалось, будто каждая прядь живет сама по себе, вдохновенно трепеща на ветру.

Сами же улицы выглядели куда менее величественно. Некогда, века назад, их проложили очень тщательно, спланировав как цепочку идеально расходящихся от Звездной башни проспектов, подобных лучам Сола, но этот свет безнадежно померк под горами мусора и отбросов, свидетельствующих о перенаселенности, вызванной наступлением пустыни. Но, возможно, перенаселенность стала отнюдь не единственной причиной царившего на улицах беспорядка.

Люди никогда не понимали и не разделяли педантичной тяги к красоте и порядку, присущей изгнанным из города эльфам. Вывески лавок и навесы над парадными подъездами домов уже долгое время не знали чистки и полировки. Горы отбросов копились и гнили в переулках, привлекая мух да крыс и отвращая всех прочих. В темных углах и подворотнях ошивались опасные личности, на что прежде они никогда не осмелились бы, тем более так самонадеянно. И уж точно эльфы, если бы они проживали здесь, куда ответственнее радели бы о порядке в своих жилищах и не проявляли подобное вопиющее равнодушие к присутствию в городе бродяг и воров.

Так куда же подевался тот прежний хваленый, безупречный порядок, ранее насаждаемый железной волей Звездной башни? Юные глупцы, происходящие из последнего поколения горожан, утверждали, насмехаясь, будто все это результат печальных временных неурядиц. И дескать, все обязательно придет в норму, едва жрецы и чародеи смогут остановить наступающую на город пустыню. Но люди постарше только удрученно качали седыми головами и ворчали, что дела еще никогда не шли настолько плохо, даже в ту страшную пору, когда война с эльфами была в самом разгаре. Нет, беда пришла позднее, когда семнадцать лет назад принц Вильям поправ закон и женился на чародейке. С той самой минуты удача окончательно отвернулась от многострадального Лаганахара...

Но Голосу Пустоши не было дела ни до брюзгливых стариков, ни до глумливых юнцов. Он незримо парил над Западным портом столицы, недовольно замечая сваленные у пирсов каменные блоки, призванные стать новой дамбой, сдерживающей не воду, а наползающий на город песок. Здесь трудились только самые крепкие парни из гильдии Метельщиков. Засучив рукава и выставляя напоказ темную вьющуюся растительность, покрывающую их мускулистые руки, они разбивали неподатливый камень ломami и кирками. Проливая капли пота на камень и песок, силачи вкалывали так истово, словно их жизнь и благополучие напрямую зависели от результатов проделываемой работы. Впрочем, так оно и было, ибо изрядно просевшая стена гавани – ранее прекрасная и неприступная, а теперь дополнительно укрепляемая с помощью свежих блоков – стала всего лишь одним из наглядных свидетельств необъявленной войны, идущей между Пустошью и теми, кто населял Звездную башню.

Голос с любопытством промчался мимо портовых надсмотрщиков, лениво наблюдающих за тем, как рабочие по крупицам откалывают камни, роняя серые крошки и пыль в воду. Голос насмешливо взвыл, бросив в выбивающихся из сил трудяг пригоршни колючего песка. Люди заполошно закричали, умоляя богиню Банрах послать им спасение от зловещего явления пустыни. Те же из них, кто оказался поумнее, а может, наоборот, поглупее, шептались о том, что подобные предзнаменования подразумевают только одно: близится неминуемый конец Блентайра.

Покинув пристань, Голос протанцевал вдоль защитных укреплений, прозванных Нерушимыми стенами. По крайней мере, тут он сразу отметил чистоту, а также внимательность дежурной охраны, стоящей на страже с луками в руках. Посмотрим, сумеют ли они отбить атаку песка, холода и засухи...

Оставляя столицу позади, Голос пересек западный проток Алларики, пройдясь по парящему над рекой Аррандейскому мосту, выглядевшему более ажурным, чем кружевное плетение искусной мастерицы. За мостом ветер шумно ворвался в Ролсби, одну из немногих уцелевших деревушек, ранее во множестве окружавших прекрасный Блентайр. Деревня почти обезлюдела, поскольку практически все проживающие в ней семейства укрылись теперь в городе за мостом, спасаясь от подступающей пустыни. Голос злорадно поиграл приготовленным для просушки тряпьем, сбросил кое-какое развешанное после стирки белье с веревки и продолжил свой путь на северо-запад.

Он летел быстро, равнодушно промчавшись мимо горделиво возвышающихся Черных холмов, мимо спутанных можжевельников кустов и поднимаясь все выше, в горы. Тут подтаивший снег неуверенно жался в тени скальных выступов или же робко прятался за редкими стволами узловатых елей. Весне уже пора было вступать в свои права, молодым побегам – пробить слежавшийся за зиму ковер прошлогодней соломы, а почкам – пустить тонкие листочки и побеги. И кое-где так и случилось. Но земля по-прежнему спала, сдерживая свое дыхание. Неестественная жара минувшего лета перешла в скороспелую осень, выжигая из земли любую жизнь, кроме семян самых стойких растений. Но когда наконец в Лаганахар пришла зима, она явилась всей своей ледяной и снежной мощью, принеся с собой смертоносные морозы. А теперь, после того как холода отступили, у редких фермеров затеплилась тщетная надежда на улучшение. Надежда, коей не суждено было сбыться...

Голос пролетел над бурой прошлогодней травой, покачал голые ветви деревьев и устремился дальше на север. Он стремился попасть туда, где лежала недоступная для людей земля, которую называли краем Крылатых, состоявшая из высоких, непроходимых холмов и еще более высоких Белых гор. Но что-то незримое вдруг неожиданно вторглось в сухой песчаный вихрь, какое-то порождение неведомой силы, прячущейся далеко на севере и неожиданно пробудившейся от своей долгой, равнодушной дремы. И сейчас это волшебное нечто яростно мчалось наперекор естественному потоку времени и холодному веянию смерти.

Голос испуганно замешкался, сбился с курса и, раздираемый противоречивыми чувствами, что есть мочи дунул обратно к югу, прорываясь через вершины гор и мрачных предгорий, торопясь укрыться в своей родной Пустоши. Голосу стало не по себе, ибо он услышал то, чего подсознательно долго ждал, но уже не рассчитывал услышать, полагая навсегда исчезнувшим из этого мира. Он внезапно различил хлопанье могучих крыльев, наполненных ветром свободы, громогласный рев идущих в бой мантикор и все перекрывающий призыв, выкрикивающий слова древнего пророчества: «Восстаньте, Перворожденные! Проклятая эпоха закончилась. Легенда стала былью. Наша Звезда пришла, она уже близко...»

Глава 3

Все-таки я успела вовремя!

Церемониальный зал считали самым просторным помещением в монастыре, но такое впечатление было ошибочным. Все дело в огромных стрельчатых окнах, которые никогда не занавешивались, из-за чего зрительно почти вдвое увеличивался белый квадрат высоких, идеально оштукатуренных стен и значительно расширялся объем. В центре зала возвышались украшенные лепниной колонны, излишне нарядные для строгой и даже аскетичной архитектуры святой обители, но смотревшиеся здесь, как ни странно, вполне уместно. Общую картину важной помпезности дополняли отмытые до зеркального блеска полы, жутко холодные и столь же жутко скользкие.

Увы, я недаром славилась на весь монастырь своей неисправимой неловкостью, подкрепленной тотальным невезением. Опасаясь опоздать на церемонию, я все ускоряла и ускоряла шаги до тех самых пор, пока не перешла на бег, отчего каблуки моих изношенных башмаков лишь мимолетно соприкасались со старательно отполированным полом, выбивая из него дробную чечетку. Ох, напрасно я так поступила, ведь давно известно: в нашем мире только лучшее с хорошим постоянно враждуют, а вот ужасное с плохим, наоборот, уживаются так дружно, что их водой не разольешь. Зря я решила, что мое нынешнее утро началось просто плохо... Я себя недооценила!

Поскользнувшись на гладком полу, я шумно плюхнулась на пятую точку, больно ударившись копчиком, проехала по коридору и, эффектно растворив ногами дверные створки, буквально влетела в церемониальный зал, едва не вклинившись в ровную шеренгу своих друзей. По рядам сверстников тут же прокатилась волна хихиканья и издевательских перешептываний, включающих наиболее оскорбительные прозвища, начиная с печально-памятного «растяпа с Пустоши» и заканчивая «горбатой ведьмой». Причем последний эпитет исходил, как обычно, от Ардена.

Я обиженно прикусила губу, огромным усилием воли сдерживая рвущиеся наружу рыдания, и быстренько отыскала свое место в шеренге претендентов на звание ученика какой-нибудь из гильдий. А впрочем, как тут не отыскать, если я была ниже всех, а поэтому всегда стояла в самом конце, последней, следом за пухлым увальнем Деннисом. Все остальные дети уже вытянулись в струнку, не смея шевельнуться, и, затаив дыхание, ждали появления представителей гильдий.

В моей голове витала слабая надежда на то, что я каким-то чудом сумею попасть в одну из доминирующих общин Блентайра и тем самым блистательно отомщу своим обидчикам... Хотя если разобраться, то обязательно окажется, что вера в чудеса – крайне ненадежная штука, чаще всего приносящая только разочарования. Стараясь проникнуться важностью момента, я украдкой потеряла отбитый копчик и присоединилась к своим товарищам, ворча себе под нос о том, что кукиш, чаще всего достающийся мне в качестве указующего перста судьбы, уже начинает изрядно раздражать.

Кроме меня в этом году стены монастыря покидали еще девять ребят – пять мальчиков и четыре девочки. Первым в шеренге охотников за удачей стоял высоченный, будто жердь, Бартоломью – здоровяк и забияка, правда, на наше счастье, очень отходчивый по характеру парень, всегда охотно помогавший всем, кто бы его об этом ни попросил. Рядом, едва ли уступая ему в росте, непринужденно и аристократично сложив руки на груди, расположился стройный Арден, на алых губах которого я заметила хорошо знакомую мне ехидную, насмешливую ухмылку. Общепризнанный лидер, инициатор и зачинщик всех приютских проказ, Арден вел себя так, словно он сознательно избегал заводить чересчур тесную

дружбу с кем-либо из нас, намеренно не впуская людей в свои мысли и сердце. Подозреваю, причиной тому стало его благородное происхождение, о наличии коего он сам, безусловно, догадался уже давным-давно.

Но, лишь став свидетельницей странного разговора, имевшего место вчера ночью, я начала в полной мере понимать, насколько предвзято судила ранее о двойственном поведении Ардена. Теперь я совсем иначе взглянула на его загадочные манеры – ведь он крайне редко принимал непосредственное участие в общих играх, предпочитая руководить ими со стороны, еще реже смеялся вместе со всеми, но постоянно поддевал остальных детей, а меня – чаще других. Я грустила и недоумевала, но не могла найти внятную причину нелогичного поведения черноглазого красавчика.

Арден обладал живым и пытливым умом, буквально на лету схватывая любую доступную ему информацию, а на уроках сидел не шелохнувшись, всегда умудряясь почерпнуть из лекции больше, чем учитель намеревался или умел сказать. Поддержки у него просили редко, но пару раз я подмечала, что на просьбы он отвечает без тени своего обычного высокомерия. Как-то поутру я застала его врасплох, случайно увидев, как он старательно помогает старухе-нищенке. Он легко нес увесистую, до краев наполненную брюквой корзину, участливо поддерживая под локоток свою грязную, неопрятную спутницу. Заметив мой ошеломленный взгляд, Арден сразу же обозвал старуху «приставучей блохой», но при этом в его голосе не прозвучало и капли привычного пренебрежения. Наоборот, я различила нотку искренней жалости, разительно не вязавшуюся с бранными выражениями, слетающими с его уст. Юноша вел себя так, будто боялся показаться добрым или участливым, приравливая эти качества к слабости и явно стесняясь своего отзывчивого сердца. Но разве быть добрым – это порок или преступление? В общем, Арден так и остался для меня неразрешимой загадкой.

Обладая отменными мускулами, он тем не менее частенько отлынивал от обязательной работы на огороде, всеми правдами и неправдами стараясь увильнуть от унизительной прополки капустных грядок. Красавец-лодырь насмешливо дергал плечом и пафосно объяснял бегающим за ним табуном девчонкам, что слово «работа» – исключительно женского рода, а «отдых» – мужского... После чего он совал мне в руки свою тяпку и преспокойно отправлялся бездельничать. Пленившись его чеканным профилем, каштановыми локонами до плеч и задумчивыми черными глазами, опущенными самыми длинными в мире ресницами, я дарила Ардену улыбку за улыбкой, но в ответ он лишь сердито хмурился и еще сильнее изошрялся в подначках, ранящих меня в самое сердце.

Но однажды я не выдержала и, собравшись с духом, отважилась пригласить его на вечернюю прогулку, намереваясь показать садящийся за Алларику Сол, румяный и круглый, словно едва испеченный блин. Вместо ответа Арден одарил меня непонятным, оценивающе-нерешительным взглядом и, прикусив травинку своими белыми как снег зубами, капризно фыркнул.

– Я люблю только естественных девушек! – внятно продекларировал он.

Я радостно покраснела, в глубине души обоснованно считая себя самой естественной девчонкой в приюте. Ну еще бы, ведь я никогда не завивала волосы на тряпочки по примеру кокетливой блондинки Элали, не красила щеки свекольным соком, как частенько проделывала ее вертлявая подружка Руфия.

– Это каких? – предвкушающе спросила я, смиренно опуская глаза вниз и наигранно-увлеченно разглядывая носки своих заношенных башмаков.

– Ну каких, каких, – глумливо хохотнул Арден, – а вот таких! К которым подходишь и говоришь: «Девушка, а вы не хотели бы провести со мной ночь?»

– И?... – ничего не поняла я. – А она что?

Арден выплюнул основательно изжеванную травинку и уставился на меня с откровенной издевкой:

– А она в ответ: «Естественно!» – вот что.

На моих ресницах повисли две крупные слезинки разочарования. Арден победно запрокинул красивую голову и ехидно заржал, а затем призывно помахал стоящей возле забора Элали и демонстративно неторопливой походкой направился к своей милашке, унося с собой мое вдребезги разбитое сердце. Но даже этого ему показалось мало. Отойдя на несколько шагов, он неожиданно обернулся и добил меня еще одной колкой репликой:

– Йона, ты бы хоть капустными листьями пользовалась, что ли! Девчонки утверждают – они здорово помогают увеличить грудь!

«Ха, легко сказать «помогают», – недоумевала я, сидя как раз на этих самых треклятых капустных грядках. – Но вот каким образом? Пробовала я положить два кочана к себе в вырез рубашки, так ведь они, заразы, оттуда вываливаются!...»

За широкими дверями церемониального зала послышались приглушенные голоса, и мы буквально вытянулись в струнку, не смея пошевелиться. Сейчас решится наша судьба! Секунды текли, складываясь в минуты, но в зал никто не входил. Стоя в самом конце шеренги, я совсем не видела дверей, оказавшись от них слишком далеко. Но зато рядом со мной находился декоративный витраж, искусно выложенный из кусочков цветного стекла и заменяющий собой часть толстой каменной стены. Изображающее богиню Банрах стекло давно пришло в негодность, потемнев от старости и покрывшись паутиной крупных трещин, что предоставило мне счастливую возможность услышать проходящий в коридоре разговор, стремительно перераставший в откровенную перепалку. Судя по всему, там стряслась какая-то непредвиденная заминка, причем возникающая уже у самого порога, поэтому голоса спорящих становились все громче, и я смогла разобрать несколько сбивчивых фраз.

– ...сожалею, почтенный сьерр, но на сей счет у меня имеются совершенно четкие инструкции! – Мужчина – судя по всему, достаточно молодой и обладающий хорошими манерами – изъяснялся ровным, уверенным баритоном.

– Глупые выдумки! – истерично взвизгнул кто-то. – Бред пресытившегося властью воображения!

Обладатель красивого баритона глубокомысленно хмыкнул, умудрившись вложить в этот короткий звук и насмешку, и скепсис одновременно.

– Но позвольте, а как же наши традиции, высокочтимый сьерр? – Его собеседник, казалось, был сильно обескуражен, а используемое им обращение «высокочтимый» являлось в Лаганахаре признаком самого глубокого уважения. – Какой извращенный пример подаете вы всем прочим гильдиям, попирая правила, за которые ратовали сами, причем в ущерб другим?

– Во Тьму ваши традиции! – лениво протянуло мяукающее женское сопрано, мягкое, но вместе с тем настолько вкрадчивое и липкое, что от первого звука этого голоса у меня на лбу выступила холодная испарина страха.

– Бардак! – хамовато добавил чей-то прямолинейный бас. – Бардак и очередной беспредел Звездной башни. Я напишу жалобу королю!

– Пишите хоть самым Неназываемым! – задиристо рассмеялся шикарный баритон. Его оппонент выдал серию шокированных ахов и охов.

– Да поймите вы, у него же приказ! – Богатый интонациями девичий голос звучал устало и раздраженно. – А подобные приказы начальства не нарушаются и даже не обсуждаются! Так что придется нам забыть об обычаях. Предлагаю всем успокоиться, и давайте поскорее начинать церемонию, ибо на дворе уже почти полдень.

– Да, да, начнем! – поддержал здравомыслящую девушку хор из нескольких голосов.

– Какое разумное предложение!

Дверь шумно распахнулась, в зал раболепно просеменил тучный брат настоятель и слегка поклонился, приглашающим жестом указывая на нашу стоящую навытяжку шеренгу:

– Вот они, наши воспитанники, так что прошу вас, выбирайте...

По нигде не зафиксированному, но неуклонно соблюдаемому этикету, церемония выбора учеников протекала всегда по одному и тому же четкому распорядку, предписывающему гостям конкретные правила выбора учеников. Поэтому представители гильдий заходили в зал поодиночке, соблюдая строгую очередность, отражающую степень влиятельности их общины. Памятуя об этой приятной традиции, я заранее привстала на цыпочки и широко раскрыла глаза, ожидая увидеть чародея, обладающего правом первым выбирать ученика для своей гильдии. И пусть маги уже несколько лет не появлялись в нашей обители, все равно мое сердце колотилось пойманной пташкой, надеясь на чудо!

Но вместо чародея в зал неожиданно ступили две девушки расы лайил, состоящие в должности жриц богини Банрах и облаченные в мрачные черные одеяния своей гильдии. И как они смогли добраться до нашей обители, ведь лайил практически не переносят дневного света? Не иначе, твари приехали в плотно закрытой кожаной кибитке. Каюсь в трусости, но меня оторопь взяла при виде их раскосых красных глаз, полыхающих багровыми отблесками неугасимого священного огня, в любое время суток горящего перед жертвенником богини; их выступающих из-под верхней губы клыков и тяжелых, каких-то сонных век, подведенных засохшей кровью очередной жертвы. Содрогнувшись от ужаса, я невольно покачнулась и чуть не упала, ощутив на себе их испытующие, жадные взгляды.

Жрицы откинули капюшоны своих плащей, плотоядно облизнулись и медленно прошли вдоль трепещущей шеренги воспитанников, недоумевающих, что могло понадобиться здесь этим детоубийцам и как посмели они первыми вступить в залу, нарушая извечные обычаи проведения церемонии выбора учеников. Неужели лайил желают наполнить жертвенный котел? Но вроде бы мы пока не использовали свой шанс попытаться удачу в одной из гильдий и никто из нас не оказался отвергнутым или забракованным.

– Да пребудет с вами Тьма! – хрипло каркнула первая жрица, почти выхаркивая нам в лицо привычную фразу официального приветствия, ежедневно используемого в Лаганахаре.

– Милостью Банрах и во имя ее! – вразнобой, дрожащими голосами отозвались мы.

– Ягняточки, – насмешливо протянула вторая лайил, – овечки вы мои жертвенные...

В паре шагов впереди меня возникла какая-то суматоха. Это наша красотка Элали не выдержала демонстрации своеобразного юмора жриц, черного во всех смыслах сего слова, и упала в обморок. Среди изрядно струхнувших мальчишек кто-то громко и тягуче пукнул от ужаса.

– Радуйтесь, ибо вы удостоены высочайшей милости богини! – между тем продолжала вдохновенно вещать жрица, не обращая ни малейшего внимания на нагнетаемую ею атмосферу всеобщего трепета, а возможно, даже наслаждаясь этим. – Сегодня особый день, и наша всемилостивая госпожа приказала мне, Каадсур, избрать одного из вас – самого достойного, чьим предназначением станет служба в ее главном святилище, расположенном в центре Пустоши!

По нашему ряду прокатился негромкий вздох отчаяния, ибо о храме Песка ходили самые невероятные слухи. Но, невзирая на всю вопиющую противоречивость этих слухов, нам было достоверно известно одно: обратно из храма еще никто и никогда не возвращался.

А жрица неторопливо шла мимо нашего неровного строя, садистски упиваясь сложной гаммой чувств, отображающейся на бледных лицах до смерти напуганных ею детей.

– Им будешь не ты... – Ее палец гадливо отмахнулся от меня, словно от крохотной мушки, и, кажется, впервые в жизни я испытала чувство радости от того, что меня посчитали никчемной и заурядной. – Не ты... – Острый коготь жрицы, едва прикоснувшись, небрежно скользнул по плечу бессильно обмякшей Пиолины, брезгливо проигнорировал Элали, Ден-

ниса и Руфию, равнодушно пропустил хитреца Хорге, имеющего кривые ноги и сутулую спину, и, описав мертвую петлю, вдруг категорично уткнулся в грудь Ардена. – Ты! – горланно пропела лайил. – Ты, красавец, рожден для служения великой богине. Ликуй, ибо ты избран Тьмой!

Даже сквозь густой золотистый загар, и летом, и зимой неизменно покрывающий щеки Ардена, стало заметно, как сильно побледнел наш признанный лидер и заводила, похоже никак не ожидавший подобного печального исхода событий. Полагаю, уж он-то точно грезил о вступлении в гильдию Воинов или, на худой конец, Охотников... И вот беда, выбор жриц падает именно на него – самого талантливого и многообещающего воспитанника братьев, способного принести немало пользы любой гильдии. М-да, это было по меньшей мере несправедливо.

– Но почему я? – переборов шок, негодуяше спросил Арден. – Я ведь не какой-нибудь хворый заморыш, который станет обузой для королевства, и не дитя лайил! Так почему же...

– Молчи, невоспитанный мальчишка! – возмущенно завизжала жрица. – Не тебе осуждать высший смысл замыслов богини, недоступный пониманию простых смертных!

– А я вполне обойдусь без ее высших замыслов и удовольствуюсь чем-нибудь более приземленным! – глухо проворчал упрямый Арден, мелкими шажками отступая к дверям зала.

Я мысленно восхитилась смелостью мальчишки, потому что знала не хуже его – бежать отсюда некуда.

– И что это такое несуразное выросло на ваших деревенских грядках, брат настоящий? – удивилась первая жрица, намекая на провинциальные замашки избранника богини.

– Чем удобряли грядки, то на них и выросло! – невоспитанно буркнул Арден, окончательно смутив впавшего в ступор настоятеля.

– Ты зря отказываешь от милости богини, – презрительно заметила Каадсур. – Дурак.

– Если кто-то сказал тебе «дурак» – не спеши считать его умным, – нахально парировал Арден. – Возможно, он просто представился.

– Ах ты, дерзкий ублюдок! – скрипнув зубами от досады, рывкнула лайил, замахиваясь на него кулаком и теряя бдительность. – Я приучу тебя к поряд...

Но последнее слово буквально застряло у нее в глотке, потому что, вознамерившись применить грубую силу, она забыла главное правило обращения с несговорчивыми отроками, гласившее: «Помни, что, поднимая на ребенка руку, ты оставляешь неприкрытым пах!»

Расторопный Арден не преминул воспользоваться представившейся возможностью: он с размаху пнул жрицу в низ живота и стремглав ломанулся к выходу из зала. Но не тут-то было! Вторая убийца со стоном боли согнулась пополам, но первая жрица стремительно выхватила кинжал, до сего момента покоящийся в привешенных к ее поясу ножнах, и метко запустила им в убегающего мальчишку.

Послышался глухой звук удара, вызванный соприкосновением рукояти тяжелого боевого оружия с затылком Ардена... Беглец замертво повалился на пол, сопровождаемый нашими соболезнающими вздохами. Оскорбленная им Каадсур с кряхтением поднялась на ноги, вместе со своей товаркой подхватила под мышки бессильно обвисшего монастырского воспитанника, пребывающего в обмороке, и грубо поволокла за собой. Я прикусила губу от горя, не решаясь зарыдать вслух, и безмолвно наблюдала за тем, как безразличный мне юноша навсегда исчезает из моей жизни...

Уже на самом пороге церемониального зала Арден пришел в себя и печально оглянулся, коротким взглядом прощаясь со своими бывшими товарищами. Он отлично знал, что именно ему предстоит в дальнейшем. Увы, ему не дали возможности совершить самостоятельный выбор своей судьбы, а чужой выбор всегда оказывается намного хуже.

– Спасите меня, помогите! – взмолился он. – Не хочу служить богине, уж лучше я умру!
Но я-то понимала, что человек способен демонстративно пожелать себе смерти лишь в такой момент, когда по-настоящему понимает, насколько сильно он хочет жить!

Ребята виновато опускали взоры, избегая затравленного взгляда Ардена.

– Бартоломью, помоги мне, ведь ты же называл себя моим ближайшим другом! – просил Арден, но здоровяк тут же сделал вид, будто занят собственными мыслями. – Наставник! – вскричал несчастный мальчик. – Спаси меня!

Брат настоятель отвернулся, проявляя не деланое, а подлинное безразличие.

– Элали! – нежно позвал обреченный. – Сделай что-нибудь ради меня, ведь ты клялась в любви до гроба!

Белокурая девушка только всхлипнула и отрицательно затрясла локонами.

На лице Каадсур появилась торжествующая ухмылка.

– Видишь, – констатировала она, – на самом деле ты никому тут не нужен. Наш мир жесток и подчиняется волчьему закону: каждый сам за себя. Покорись же богине и смирись со своей участью, возможно, она окажется не такой уж страшной.

Но Арден горестно прикусил губу, осознавая, сколь часто заводят нас в темную бездну лживые посулы светлого будущего.

Не знаю, кто дернул меня за язык, но я вдруг бесстрашно выступила вперед и выкрикнула во все горло:

– Не теряй надежду, Арден! Обещаю, я найду и спасу тебя!

– Ты, пигалица? – уничижительно хохотнули жрицы. – Ну-ну.

– Ты? – не поверила ветреная красавица Элали.

– Ты? – озадаченно переспросил крепкий, будто молодой дубок, Бартоломью. – Растяпа с Пустоши?

– Не выдумывай глупости, девочка, – благоразумно посоветовала мне первая жрица, кажется, чуть более человеческая, чем ее непоколебимая напарница. – И ему не поможешь, и сама голову сложишь ни за что ни про что.

– Пусть! – своевольно уперлась я. – Друзей в беде не бросают. Ты только жди меня, Арден.

– Ну-ну, – повторно хмыкнула бессердечная служительница богини. – Видали мы таких героинь, а где они сейчас?

Вопрос подразумевал самый неприятный ответ и предназначался конкретно для меня, но я все равно не собиралась сдаваться, напористо сжав кулаки и до судорог в челюстях стиснув зубы.

– Жди! – еще раз даже не попросила, а потребовала я, горделиво вскинув голову и открывая в себе нечто новое, доселе мне несвойственное. – Я приду за тобой!

– Хорошо, – одними губами хрипло прошептал Арден. – Я верю тебе, Йона. Прости меня за все доставленные неприятности и нанесенные обиды. Я буду ждать твоей помощи! – При этих словах он посмотрел на меня так, что я сразу осознала: счастье длится всего миг, который, однако, запоминается на всю оставшуюся жизнь.

Лайил покинули зал, утащив с собой вяло сопротивляющегося Ардена. Но, к моему глубочайшему сожалению, представитель гильдии Чародеев не появился и после страшного инцидента со жрицами богини. Вместо него в зал чеканным строевым шагом вошла высокая светловолосая женщина в полном вооружении воина и парадном плаще с гербом своей общины – обнаженным мечом на золотом фоне. Она задумчиво прогулялась вдоль колонны детей и вернулась на прежнее место, медленно переводя испытующий взгляд своих оценивающе прищуренных глаз с одного подростка на другого.

У меня не вызвало ни малейшего интереса прибытие блистательной особы, сплошь увешанной блестящими железными штучками совершенно непонятного назначения. Я с

трудом скрывала свое разочарование и была готова расплакаться от досады – так сильно расстроило меня отсутствие представителя верховной гильдии. К тому же я точно знала, что в квартал порхающих маги и носа не показывают, пуще огня избегая продажных девиц, а посему если и представится возможность вновь увидеть вблизи хотя бы одного из них, то произойдет это весьма не скоро.

Между тем женщина-воин, не выказав ни малейшего колебания, лаконично взмахнула рукой, указав на Бартоломью, и вдобавок утвердительно кивнула, словно отменяя любое возможное сомнение. Сам же Бартоломью, судя по всему, тоже ничуть не удивился выбору представительницы этой славной гильдии. Едва дождавшись разрешающего знака брата настоятеля, юноша важно вышел из строя и вслед за женщиной покинул зал, спокойно проигнорировав летящие ему в спину разочарованные вздохи оставшихся.

Несмотря на мою обеспокоенность судьбой Ардена и отсутствием чародеев, следующий вступивший в зал человек все же сумел завладеть моим вниманием, ибо благодаря ему я испытала не только бурный восторг, но и острый укол зависти. Это был молодой мужчина, почти юноша, возможно, всего лишь на пару лет старше меня самой, облаченный в элегантный дорожный плащ с гербом Охотников – стрела на фоне зеленых дубовых веток. Он являл собой недостижимый для многих идеал совершенной красоты, целиком и полностью доставшейся одному человеку. Охотник отличался очень высоким ростом, а его длинные пепельные волосы небрежной волной ниспадали на плечи, совсем не скрывая, а, напротив, даже подчеркивая заостренные верхушки ушей.

Очевидно, этот прекрасный незнакомец, так же как и я, обладал некоторой толикой эльфийской крови, чего, в отличие от меня, не стыдился. Наоборот, он заметно гордился своим смешанным происхождением. Кроме того, бог Шарро, разойдясь не на шутку и словно решив проявить невиданную щедрость в раздаче красоты, наделил молодого охотника огромными голубыми глазами с ресницами безумной длины и мускулистыми руками безупречной формы. А еще от полуэльфа исходил свежий аромат лесных цветов, что в разгар холодной и неприветливой весны выглядело сущим святотатством.

Я сразу же поняла, что красавец-охотник обладает куда более пронизательным умом, чем женщина-воительница, и придает меньше значения внешним данным детей, предложенным ему в качестве претендентов в ученики. Голубоглазый полуэльф пытался заглянуть в душу каждого из нас, посылая мысленные импульсы и бдительно следя за нашей ответной реакцией. Он долго сканировал всех соискателей, и, когда очередь дошла до меня, я невольно поежилась под его пристальным взглядом, оробев от такого бесцеремонного вторжения в мое сознание. Очевидно, охотник уловил эманации терзающих меня сомнений. Его высокий лоб прорезала глубокая морщинка сочувствия.

– Прости меня, малышка, – учтиво извинился он. – Я вижу, как чиста твоя душа, но, к моему величайшему сожалению, не могу взять тебя с собой. Ты не должна жить в лесу, ибо рождена для чего-то большего.

– Большого? – с горечью в голосе воскликнула я. – Ну да, в этом вы, безусловно, правы, ведь храмовые котлы славятся своими гигантскими размерами!

– Никто не сумеет победить тебя до тех пор, пока ты не поддашься сама. А светлые духом и помыслами бойцы и вовсе непобедимы, – проникновенно вымолвил полуэльф, опуская на мое плечо крепкую руку и даря дружелюбное пожатие. – Помни это, малышка. Думаю, мы еще увидимся!

Он прозорливо улыбнулся и летящей походкой вышел из зала, поманив за собой резво встрепенувшуюся Илену, нашу лучшую бегунью, любительницу лазить по деревьям и купаться в холодном пруду. А еще Илена выросла очень амбициозной и высокомерной девушкой, вот только не знаю, сумел ли пронизательный полуэльф распознать в ней и такие, не столь привлекательные, черты характера. А впрочем, избыток самоуверенности всегда

считался в Лаганахаре скорее преимуществом, чем недостатком, ведь миром правят смелые. Так что эта воспитанница имела все данные для того, чтобы стать замечательной охотницей. Я тихонько вздохнула, но не от зависти, а от радости за подругу, мысленно желая ей счастья и успеха.

Лишь внимательно рассмотрев представителя следующей гильдии, я в полной мере осознала, какое смутное и предвзятое представление имела до сих пор о моральных и нравственных предпочтениях жителей Лаганахара. Рослый сухопарый мужчина неопределенного возраста, с желчным лицом и сварливо поджатыми губами закоренелого скряги, являлся представителем гильдии Торговцев, о чем недвусмысленно свидетельствовала эмблема на его камзоле – серебряная монета на синем поле. А я-то воображала, будто все торгаши рождаются исключительно низенькими и толстыми. Получается, ошибалась. В отличие от предыдущих, безоговорочно уверенных в себе выборщиков, торговец довольно долго слушал, что шептал ему на ухо брат настоятель, после чего, даже не поглядев на остальных, подошел к сутулому Хорге и слегка похлопал его по спине:

– Ну вот ты и с нами, парень, ведь именно такие нам и нужны! Пошли-ка скорее домой, потому что время – деньги, запомни эту истину на всю оставшуюся жизнь!

Пока Хорге стал единственным, кто хоть как-то выразил радостные эмоции по поводу состоявшегося выбора. Спеша за торговцем на своих коротких ногах, он быстро обернулся, и самодовольная, какая-то липкая улыбка так и расцвела у него на губах. Хорге с детства был силен в математике, уважая цифры куда больше, чем людей, а в том, что он способен продать и снег зимой, я не сомневаюсь.

Итак, теперь в зале оставалось всего шестеро детей, включая меня. Я невольно сделала шаг в сторону, чтобы оказаться рядом с Пиолиной, нащупала ее руку и сжала. Подруга тут же ответила на мое доверчивое прикосновение – ласково погладила по пальцам и понимающе стиснула тонкое запястье, словно убеждая: «Успокойся, все идет как нужно». Великий Шарро, как же это похоже на Пиолину – легковерно надеяться на хорошее даже в такой нехороший момент! Я всегда подозревала: у нас диаметрально противоположные мироощущения. Если мировосприятие Пиолины – со знаком плюс, то мое – явно со стремящейся к бесконечности неопределенностью. Но теперь ничего уже изменить нельзя, и я стояла молча, мысленно проговаривая про себя любимую фразу брата Флавиана: «Делай что должно, и будь что будет».

Сразу же после завершения визита торговца в зал осторожной, почти крадущейся походкой буквально просочился делегат от гильдии Уравновешивающих, облаченный в строгий официальный плащ с нашитым на него гербом общины – черными весами на белом фоне. Данный символ обозначал, что представители гильдии поддерживают неустойчивое равновесие между добром и злом, не отдавая предпочтения ни одной из сторон. Но, увы, так происходило только на словах. На самом деле многие из судей Блентайра славились своей продажностью и необъективностью. По королевству даже ходила язвительная шутка, гласившая: «Сколько нужно украсть денег, для того чтобы купить себе должность судьи?»

Вершителей судеб в Лаганахаре вроде бы уважали и побаивались, но отнюдь не торопились превозносить, ибо сферой деятельности этой гильдии были в основном мелкие дразги между простоллюдинами, а в редких случаях – кражи и клевета. Правом же разбирать проступки дворян обладал лишь король Вильям. С другой стороны, Уравновешивающие были практически единственными, кто допускался в Звездную башню в любое время суток, и поэтому в моем воспаленном мозгу промелькнула безумная надежда, что этот невысокий полноватый старик сможет как-то приблизить меня к осуществлению заветной мечты.

Однако судья благосклонно выслушал все аргументы, приведенные братом настоятелем, после чего остановился напротив Руфьи и некоторое время смотрел на девочку с какой-

то странной смесью недоверия и удовлетворения. И, откровенно говоря, я не сомневалась в его выборе, ибо при всем своем кажущемся легкомыслии и внешней смазливости Руфия больше всего на свете любила дисциплину и обладала на редкость консервативным характером. Впрочем, возможно, я излишне утрировала качества избранницы гильдии Уравновешивающих, потому что весь мир виделся мне сейчас через неверную призму скопившихся в глазах и с большим трудом сдерживаемых слез.

Я отвернулась, кое-как проморгалась и шумно высморкалась в носовой платок. Тем временем судья успел уйти вместе с Руфией, и его место занял представитель последней из привилегированных общин – гильдии Порхающих. К немалому изумлению всех без исключения девочек, он оказался довольно молодым мужчиной с лысеющей макушкой, кокетливо прикрытой сильно прилизанными к ней волосами, низким выпуклым лбом и холеными бакенбардами, которые странно смотрелись на его висках при полном отсутствии усов и бороды. В его выцветших желтых глазах я различила отблеск едва тлеющего пламени безумия, готового в любой момент разгореться с немыслимой силой и напугавшего меня чуть ли не до заикания. Я и не подозревала раньше о существовании подобных людей, вполне подходящих под понятие «одержимый». И что, спрашивается, делает этот женоподобный тип в гильдии Порхающих? Ой, неужели он тоже дарит свои ласки другим мужчи...? Фу, ну и гадость!

Мне сразу бросилось в глаза, что сей лохотный сьерр выслушал брата настоятеля с полным равнодушием, очевидно, только для соблюдения обычаев. Потом представитель гильдии Порхающих жеманно улыбнулся и слегка нараспев произнес:

– Мы даже и не ожидали, что нынешний год выдастся настолько удачным!

При этом он напыщенно перекачивался с носка на пятку, напоминая нашего индюка, и это невольное сравнение только усилило мою интуитивную неприязнь к противному хлыщу. Он одарил меня скользким, якобы случайным взглядом, словно холодной змеиной кожей мазнувшим по всему телу. Ощущение далеко не из приятных. Его тонкие, накрашенные розовой помадой губы раздвинулись в издевательской ухмылке, но он поспешно отвел от меня глаза и подошел к Элали:

– Пойдем, красавица, тебе у нас самое место!

Я мысленно представила, как подбегу сейчас вплотную к Элали, сброшу его мерзкую руку с ее плеча и крикну: «Не смей прикасаться к моей подруге!» Но вместо этого я даже не сдвинулась с места и промолчала, со странной пустотой в душе наблюдая за тем, как уже у самого выхода из зала мерзкий тип покровительственно приобнял белокурую девушку за талию, а бедняжка даже не вздрогнула.

Теперь нас осталось четверо, но второстепенных гильдий было только три – Целителей, Земледелов и Метельщиков. Наиболее уважаемыми среди них считались целители, если такое определение вообще уместно употреблять по отношению к работягам-простолыдинам. Одетый в белый балахон старик многозначительно указал на герб своей общины – обвивающую чашу змею – и приветливо кивнул Пиолине, лишая меня последней подруги. Девушка мягко поцеловала меня в щеку и весело выпорхнула из зала, подозреваю – мечтая лишь об одном: поскорее очутиться среди обилия бережно засушенных лекарственных трав и заняться составлением какого-нибудь сложного отвара, спасающего от поноса или запора. Да уж, по части лечения наших ссадин и синяков Пиолина давно уже выказала себя прирожденной мастерицей.

Представительница гильдии Земледелов как две капли воды походила на большую часть женского населения Ролсби. Она была одета в простое платье с брошью в виде эмблемы общины – колос на коричневом поле, а ее доброе, слегка одутловатое лицо не несло никакой одухотворенности. Оно вообще ничего не отображало, кроме беспокойства за не

сваренный дома обед, не окученный вовремя картофель и не выпоротых розгами нерадивых детей.

Женщина с привычной, ничего не значащей улыбкой остановила свой взгляд на послушном Деннисе, дождалась слабой, неуверенной улыбки в ответ и увела мальчика с собой, так и не произнеся ни слова. Ручаться за свою правоту не могу, но мне показалось, что брат настоятель с облегчением вздохнул, выходя вслед за этой парой. И правильно, ибо увалень Деннис звезд с неба не хватал, с трудом научился писать и считать до пятидесяти, но при этом, что уж тут спорить, вырос безупречно трудолюбивым и тихим парнишкой.

От оставшегося представителя гильдии Метельщиков я не ждала ничего хорошего, ведь эта община занималась поддержанием чистоты на улицах Блентайра, а также другой черной работой. Они строили дома, обтесывали камни и носили воду, а посему им требовалась недюжинная физическая выносливость для выполнения своих повседневных обязанностей. Моя хрупкая фигура красноречиво говорила о полном отсутствии даже бледного подобия силы. Но на самом деле длинные ночные прогулки здорово укрепили мои ноги, от лазанья на крышу руки стали ловкими и цепкими, а к тому же я никогда ничем не болела. Но вот с виду... М-да, скажу откровенно, у меня не было ни единого шанса попасть в гильдию Метельщиков.

Делегат гильдии Метельщиков выглядел не настолько отталкивающе, как я того ожидала. Его плащ отличался средней степенью поношенности и был соткан из грубой серой шерсти, выделкой которой славилась близлежащая деревня Ролсби. На рукаве холщовой рубашки последнего появившегося в зале мужчины я ухитрилась разглядеть нечеткое изображение какого-то орнамента – слабая потуга приукрасить свой непритязательный облик, а эмблема гильдии висела у него на заржавевшей медной цепочке, подвешенной к поясу: метла на сером с белыми разводами фоне. Стыдно признаться, но я с трудом понимаю, как можно со спокойствием носить столь нищенскую отметку своего плебейского сословия, но оному мужчине это, похоже, удавалось без труда – он попросту не обращал никакого внимания на болтавшуюся у его пояса железку.

Пренебрежительно фыркнув в мою сторону, метельщик критично обошел вокруг дюжего тугодума Яниса, остался доволен его внешностью и поманил парня за собой. Когда за ними и поспешно вышедшим из церемониального зала братом настоятелем захлопнулась дверь, я вздрогнула от ужаса и обреченности, внезапно осознав кошмарную истину: я осталась одна...

Глава 4

Одна! Я оказалась в абсолютном одиночестве – всеми забракованная и отвергнутая, не выбранная никакой из гильдий! Меня охватил безотчетный, почти животный ужас. Захотелось подбежать к двери и заколотить в нее кулаками, кричать, что я согласна стать порхающей, земледелом, метельщиком – да кем угодно, лишь бы не попасть в обгаренные кровью руки жрецов богини Банрах, под их жертвенные ножи, а дальше – в храмовый котел... Я начала мелко дрожать от нахлынувшего страха, хотя за окном блекло светил весенний Сол, а в зале так и вовсе царила страшная духота, невкусно пропитанная тайными волнениями покинувших ее детей. Теперь я явственно поняла, что для них все уже закончилось и отныне эти страхи сосредоточились только во мне одной.

Я затравленно огляделась, надеясь, что вот сейчас вернется хотя бы тот противный, лощеный извращенец из гильдии куртизанок... С выражением притворного сочувствия он приобнимет меня за плечи, как уже проделал это с Элали, и выведет наружу, туда – на свободу и чистый воздух, подальше от храмового котла... Обещаю, я выполню все, что он прикажет: научусь петь и танцевать, буду послушно улыбаться и даже безропотно позволю мужчинам прикасаться к своему обнаженному телу... Но, увы, время шло, а в зал так никто не входил. И тогда я не выдержала...

Стараясь не переходить на бег, я осторожненько, бочком двинулась в сторону выхода. Ноги сами, против воли, несли меня все быстрее и быстрее, так что в мужчину, укрытого расшитой звездами мантией и едва вступившего в зал, я врезалась на полной скорости, чуть не выпихнув его обратно. Я потеряла равновесие, звучно шлепнулась на пол и тихонько ойкнула, до крови прикусив язык. Передо мной стоял маг, самый настоящей чародей! До меня долетел скорбный выдох семенящего следом за магом брата настоятеля, совершенно обескураженного моей хамской выходкой.

Но долгожданный гость, казалось, ничуть не рассердился. Наоборот, он заботливо поставил меня на ноги и чуть приподнял мой подбородок, вынуждая посмотреть ему в глаза. Я буквально млела от восторга, невоспитанно впившись пристальным взором в его смеющееся лицо. Я осознавала всю вопиющую недопустимость своего поведения, но ничего не могла с собой поделать, ибо впервые в жизни увидела чародея так близко и даже ощущала тепло его сильной руки.

Он оказался так молод! В моем понимании все настоящие маги просто обязаны пребывать в весьма почтенном возрасте и не имеют никакого права выглядеть вот такими симпатичными молодыми мужчинами. Я растерянно захлопала ресницами и косноязычно проблеяла дурацкую пародию на обычное приветствие. Юноша звонко расхохотался, забавно мотая своими рыжими локонами, и оживленно повернулся к брату настоятелю, все еще сокрушенно качавшему головой.

– Вот видите, я же вас предупреждал, высокочтимый сьерр чародей... – извиняющимся тоном начал настоятель. – Она не только уродливая горбунья, так еще и никчемная дурочка, неспособная толком и двух слов связать...

– Предупреждали, – покладисто подтвердил симпатичный маг, и я мгновенно узнала этот красивый баритон, обладатель которого недавно спорил с представителями других гильдий. – Но это уже неважно, ведь я получил совершенно четкое распоряжение забрать последнего оставшегося сегодня ребенка. – На секунду голос молодого человека обрел необычайную твердость и поистине волшебную убедительность, но тут же смягчился: – А раз уж мне достался такой очаровательный эльф...

Я почувствовала, что мои заостренные уши неудержимо краснеют, а рыжекудрых маг снова засмеялся:

– Сначала она меня чуть не затоптала, а теперь покраснела – причем ушами. Вот так чудная девочка! Скажите, брат настоятель, каким методом вы умудряетесь воспитывать подобных, поистине сногшибательных индивидуумов?

– И пряниками, и кнутом! – с деланным смирением признался настоятель. – Как тому и учит нас великая Банрах!

По выразительному лицу чародея промелькнула мимолетная тень отвращения. А я тут же вспомнила о противостоянии богини и магов, поэтому заинтригованно затаила дыхание, ожидая услышать нечто интересное. Но чародей быстро совладал со своими эмоциями и решил отшутиться.

– Плохо, глубокоуважаемый брат! – с упреком изрек он, заговорщицки мне подмигивая. – Ведь в таком случае дети неизбежно вырастают толстыми и в синяках!

Не ожидая услышать столь несерьезную фразу от представителя наиважнейшей в Лаганахаре гильдии, я прыснула, а настоятель шокированно выпучил глаза, не сумев придумать достойный ответ. Тогда чародей величественно взмахнул лапами своей мантии, овеяв меня запахом розмарина и одарив царственной улыбкой:

– Ты ведь хочешь пойти со мной, эльф?

Онемев от счастья, я закивала так бурно, что у меня чуть голова не отвалилась. Но маг и так понимал, что творится у меня в душе. Он улыбнулся одними глазами и добавил:

– Ну тогда ступай собери свои вещи, да не мешкай больше нужного, ведь глава гильдии Чародеев желает встретиться с тобой сегодня до заката.

Я буквально летела, торопясь в нашу девичью спальню, не чуя под собой ног, как если бы мои крылья внезапно стали такими же большими и серебряными, каковыми они привиделись мне прошлой ночью, освещенные неверным светом обманщицы Уны.

В спешке я совсем не заметила брата Флавиана, примостившегося в уголке коридора и печально наблюдающего за быстротечными перипетиями моей судьбы. Монах поднял пухлую руку, осеняя благословляющим жестом мою резво удаляющуюся спину.

– Храни тебя бог Шарро, дитя мое! – чуть слышно шепнул добрый наставник. – Ох, чует мое сердце, что помощь тебе еще понадобится, причем очень и очень скоро...

«И все-таки мечты сбываются!» – мысленно ликовала я, разнеженно зажмуриваясь, словно кошка, и подставляя лицо под теплые лучи Сола. Возможно, это стало всего лишь приятным совпадением, но для меня все выглядело иначе. Отнюдь не случайно эти два совсем не связанные между собой события вдруг совместились именно сегодня: первый теплый, по-настоящему весенний день и свершение моей заветной мечты. Меня пригласили в Звездную башню, и одному только Шарро известно, какие еще заманчивые перспективы откроются передо мной в дальнейшем. Да, я стану чародейкой – наперекор всем оскорбительным прозвищам и назло всем своим обидчикам!

В общем, у меня аж дух захватывало от предвкушения, но я резонно одергивала свое вошедшее в раж воображение, приказывая ему придержать удила и не нестись во весь опор. Строить радужные планы на будущее опасное и глупое занятие, ибо в них можно разочароваться. Но вот рассчитывать свои ближайшие шаги – дело чрезвычайно полезное и мудрое, а посему я решила не заглядывать слишком далеко вперед и в полной мере наслаждаться благоволящим ко мне текущим моментом. А что будет дальше – посмотрим.

И все равно, даже невзирая на недавно пережитый стресс, мне еще продолжало казаться, будто я вижу чудесный сон, расставаться с которым совсем не хотелось. Однако здравый рассудок властно напоминал о яви, подсказывая – ты вот-вот проснешься. И наверное, я бы согласилась заплатить любую цену – только бы хоть на миг оттянуть сей отрезвляющий момент пробуждения.

Волшебство, начавшееся с появлением молодого мага в дверях нашего церемониального зала, продолжилось немедленно, стоило мне пробежать с крыльца, неся порядочно оттягивающий плечи вещевой мешок. Тут я и обнаружила, что представители всех прочих гильдий уже отбыли вместе со своими новыми учениками, а вот рыжекудрый чародей не только никуда не спешил, но даже не проявлял ни малейшего нетерпения, в ожидании меня увлекшись игрой с нашей дворовой собачонкой Бубой. Он смирно сидел на скамейке и, немного фальшивя, мурлыкал себе под нос ироничную песенку, явно предназначенную для моих ушей:

В страшной башне над горою,
Между небом и землею,
Тьме – хозяин, свету – враг,
Жил могучий черный маг.

Наливал он в колбы зелье
И не ведал про веселье,
Души слабые губил,
Но ни разу не любил.

За грехи его расплата —
Не иметь ни дочь, ни брата,
Мыслить темные дела,
Вечно жить в оковах зла.

Он не зрел небес зарницы,
Не слышал песню птицы
И влачил свою юдоль,
Испытав лишь гнев и боль.

Он сгребал лопатой злато,
Жил спокойно и богато,
Постепенно гнил и чах,
Превращаясь в пыль и прах.

Не нашел себе невесту,
Так и умер безызвестным,
Ну а сказками о нем
Всех пугают даже днем.

Коли ищешь в жизни благо —
Не спеши податься в маги,
Много в мире дел других —
Обрати свой взгляд на них...

«Это предупреждение?» – растерянно подумала я. Он намекает на то, что участь мага отнюдь не так сладка, как мне это представляется? Он меня отговаривает? Ни за что! Возмущение переполняло меня до краев. Я все равно стану могучей чародейкой в расшитой звездами мантии и утру всем нос!

А молодой маг язвительно посвистывал, выжидательно поглядывая на меня и не забывая дразнить собачку.

– Ничего не понимаю! – Я обескураженно огляделась и сделала пару осторожных шажков в сторону ребячливого волшебника. – Мы пойдем в Блентайр пешком? Ой, простите меня за бестактность, почтенный сьерр чародей!

– Фу-у-у, как тебе не стыдно, дитя! – Молодой человек гибко поднялся с приютившей его не очень-то чистой скамьи, отряхивая пыль с колен и мантии, и беззлобно погрозил мне пальцем. – Твои слова старят до срока, девочка. Пожалуйста, зови меня просто Джайлз. А как твое имя? Или мне лучше называть тебя «эльф»?

– Нет, да, конечно... – Пытаясь справиться со своим волнением, я незаметно вытерла вспотевшие ладони о край рубашки. – Как пожелаете, сьерр чародей.

– Джайлз! – с напором поправил маг.

– Джайлз, – покорно повторила я.

– А твое имя?

– Йохана!

– Ух ты! – Юноша восторженно округлил глаза. – Настоящее эльфийское имя, распространенное в клане Полночных. Оно обозначает «неугасимая звезда». Не знаешь случайно, почему тебя так называли?

Я отрицательно помотала головой:

– Не знаю. Прошлой ночью я ненароком услышала о том, что являюсь безродной сиротой, в возрасте нескольких дней от рождения кем-то подброшенной под двери приюта.

– Поразительно, – задумчиво протянул маг и, очевидно пытаясь сдержать рвущиеся с языка комментарии, поспешно прикусил изнутри свою правую щеку. – Твоя история становится все более интересной с каждой минутой. Подозреваю, что, отправляя меня в эту обитель, Кларисса действовала не просто по наитию, а обоснованно не сомневалась в твоём особом предназначении.

– Это как? – недоуменно спросила я.

– Чудесно! – Юноша звонко хлопнул в ладоши, уходя от ответа. – Скажи, Йона, а в вашем приюте не было ли какого-нибудь примечательного во всех отношениях мальчика?

– Был, – подтвердила я и печально склонила голову, вспоминая страшную участь, постигшую Ардена. – Он умен и красив, почти... почти как ты! – немного смутившись, наивно заявила я, своей неловкой лестью вызвав добродушную улыбку на губах мага. – Но его забрали жрицы богини.

– Вот как? – вопросительно выгнул бровь Джайлз, но заметил слезы, вновь навернувшиеся на мои глаза, и понимающе присвистнул: – Вот те раз! Да ты никак в него влюблена!

– Зато он меня не очень-то привечал, – сокрушенно пожаловалась я, спонтанно выкладывая ему все накипевшие в моей душе обиды. Почему-то этот молодой маг сразу же внушил мне необъяснимое доверие. – Даже наоборот, постоянно дразнил и оскорблял.

– Ох, ну и святая же ты простота, Йона! – Джайлз картинно возвел глаза к небу, безмерно потрясенный моей вопиющей неискушенностью в вопросе взаимоотношения полов. – Забери Тьма этих безмозглых мальчишек! В младших классах они бьют симпатичных девочек портфелем по голове, а потом еще удивляются, почему все красивые девушки вырастают такими дурами. Запомни, эльф: мужчины частенько стесняются признаваться в своих истинных чувствах к женщине и поэтому пытаются как-то иначе привлечь внимание своей избранницы, порой делая это чересчур грубо и навязчиво.

– Да? – робко обрадовалась я, боясь поверить его словам. – Значит, Арден тоже ко мне неравнодушен?

– Скорее всего, дело обстоит именно так, – поддакнул чародей. – Просто твой красавец еще слишком молод и боится настоящей любви... А между тем любовь и есть истинное счастье, ибо все остальные доступные нам чувства – просто мимолетные радости жизни.

Я почувствовала, как сильно забилося мое сердце, грозясь выскочить из груди. Возможно ли это? Арден правда меня любит? И я снова дала себе нерушимое обещание: во что бы то ни стало найти моего милого и вырвать его из лап кровожадной богини Банрах.

Увлечшись столь интимной беседой, мы незаметно умудрились отойти на довольно значительное расстояние, все больше отдаляясь от навсегда оставленной мною обители. Мы поднялись на невысокий пригорок, едва покрытый проклюнувшимися зелеными травинками, еще слабыми и шелковистыми. Теплый ветерок овеивал мои разгоряченные щеки, охлаждая горящую от возбуждения кожу и умирняя не на шутку разыгравшееся воображение. Образ Ардена, гвоздем засевший у меня в сердце, неожиданно стал настолько осязаемым и реальным, что только сейчас я в полной мере осознала, как дорог мне этот противоречивый юноша, непробиваемый и ранимый одновременно.

Вот только, боюсь, я слишком поздно разобралась в своих подлинных чувствах к нему, научившись понимать единственного нужного мне человека, лишь потеряв его, как это обычно и случается у всех не шибко умных людей. Подозреваю, мне придется приложить немало усилий, чтобы снова встретиться со своим любимым. Если, конечно, наше воссоединение вообще сможет произойти, ведь отныне нам противостоят чудовищные по своей мощи враги – богиня, Пустошь и лиги песчаных дюн. А победить Банрах и пустыню пока еще не удавалось никому в нашем мире.

– Ах да, ты вроде интересовалась, каким способом мы доберемся до Блентайра? – напомнил Джайлз, решивший, что наше скорбное молчание слишком уж затянулось, и поэтому намеренно вырвавший меня из плена размышлений. – Разумеется, пешком и только напрямик, а не следом за медлительными повозками отбывших воссоединиться представителей других гильдий. И если честно, я терпеть не могу верховую езду: трясешься в седле всю дорогу, до такой степени отбив себе все, что можно и что нельзя, – потом ни сесть нормально, ни лечь... Поэтому я предлагаю сократить расстояние, отделяющее нас от столицы.

– А это возможно? – скептически подняла бровь я.

– Само собой, – кивнул маг. – Расстояние – вообще вещь не физическая, а философская.

– Да? – не поверила я.

– Квартал до лавки за хлебом – далеко, – проказливо ухмыльнулся Джайлз, – а лига за вторым кувшином вина – рукой подать!

Я рассмеялась, восхищенная его шутливой логикой.

– Значит, ты готова к необычному путешествию, Йона? – заговорщицки подмигнул чародей, воодушевленный моим хорошим настроением.

– Да!

Так ничего и не поняв из запутанных рассуждений про дорогу, я тем не менее была готова идти с чародеем хоть на край света и никогда не пожаловалась бы на усталость. Я намеревалась геройствовать и проявлять беспримерную выдержку столько, сколько потребует. А еще мне очень хотелось узнать, кто может передвигаться быстрее лаганахарских коней, и так скачущих наравне с ветром?

– Тогда в путь, и да пребудет с нами милость бога Шарро! – торжественно провозгласил Джайлз, вызвав у меня очередной приступ удивления.

Право же, сегодняшний день оказался излишне богат на потрясения и открытия. Чародеи уважают эльфийского бога, вот это да! А впрочем, неужели я ожидала услышать от Джайлза нечто иное, помня об извечной вражде, существующей между магами и адептами богини Банрах?

Поначалу с нами не происходило ничего необычного, и что бы там ни утверждал Джайлз, но двинулись мы точнехонько по проложенной экипажами колее, отчетливо просматривающейся в бурой дорожной пыли. Из своих ночных экспедиций на крышу колокольни я вынесла однозначный вывод: если идти очень быстрым шагом, то можно добраться до Блентайра часов за восемь или около того. Но сейчас, словно стремясь опровергнуть мои подсчеты, чародей шагал неторопливо и размеренно, беззаботно любуясь достопримечательностями местного пейзажа, на мой вкус, довольно скромного и однообразного.

Спустя всего каких-то полчаса, когда стены монастыря почти исчезли из виду, а деревня Ролсби так и вовсе скрылась за холмами, Джайлз вдруг резко остановился и окинул меня намеренно саркастичным взглядом:

– Так-так, а вот это уже непорядок. Скажи, Йона, ты по-прежнему собираешься таскать на своем плече этот задрипанный мешок? Он вроде бы не выглядит излишне тяжелым, но все равно, согласишься – путешествовать налегке куда как приятнее! А когда он натрет тебе мозоль, ты просто перевесишь его на другое плечо? Неужели тебе мало уже имеющегося у тебя горба?

Я недоуменно уставилась на насмешника, не понимая, забавляется он или хочет меня обидеть. Но внезапно Джайлз посерьезнел и предложил:

– Давай-ка немного уменьшим твой груз. Прости меня ради Шарро, если я выразился излишне грубо или бесцеремонно, и поверь – помыслы мои чисты, у меня не имелось ни малейшего намерения хоть как-то тебя задеть.

Я понимающе улыбнулась, глядя в его чистые глаза:

– Кажется, мне ко многому придется привыкнуть, путешествуя в твоём обществе?

Джайлз поощрительно прищелкнул языком, а затем достал из кармана своей мантии флакончик, наполненный прозрачной жидкостью, раскупорил его и брызнул несколько капель на мешок с моими вещами. При этом он прошептал короткое заклинание, отчего мешок начал неудержимо съеживаться и вскоре превратился в крохотный мешочек, размером едва ли крупнее яйца жаворонка. Я потрясенно вскрикнула.

– Обращайся с ним осторожнее, ведь его вес остался прежним, – любезно предупредил Джайлз, протянув мне превратившийся в кошелек мешок.

Я неосторожно приняла его на расслабленную ладонь и чуть не выронила, ибо крохотный с виду кошелек тянул на изрядный булыжник.

– Хочешь, я научу тебя этому простенькому заклинанию? Все эльфы имеют врожденную склонность к магии, так что у тебя должно получиться.

Я радостно закивала, потому что мне страсть как не терпелось хотя бы на чуточку приобщиться к тщательно охраняемым секретам чародейского искусства. Маг скептически хмыкнул и подал мне флакончик, едва не выскользнувший из моих дрожащих от предвкушения рук.

– Только не забудь напомнить мне о необходимости вернуть прежний вид твоему мешку, – предупредил он. – Естественно, после того, как мы прибудем в Блентайр.

Я несколько раз повторила подсказанное Джайлзом заклинание и, капнув жидкостью из флакончика, содержащего некое специальное средство, являющееся катализатором для волшебных слов, выжидательно уставилась на свой мешок. Внимательно наблюдающий за моим экспериментом чародей потрясенно выкатил глаза и оглушительно расхохотался.

– Ты перестаралась, дитя! – отсмеявшись и утерев выступившие на глазах слезы, констатировал он. – Забыла об уже и так малом размере своей вещи, поэтому она исчезла окончательно!

Я опечаленно смотрела на свои опустевшие ладони. Нет, конечно, в моем буквально испарившемся мешке не хранилось ничего ценного – только пара чистых носовых платков,

поношенная рубашка, летние сандалии, симпатичные камешки, несколько книг и выдавший виды плащ. Но все равно, то было мое единственное имущество!

– Ничего, – поспешил утешить меня Джайлз, тоже выглядевший немного обескураженным. – Возможно, это даже к лучшему. Не стоит тащить в новую жизнь свои старые, потрепанные вещи, ведь груз неприятных воспоминаний имеет нехорошую привычку тянуть нас обратно, к прежним проблемам. А поскольку в постигшей тебя потере имеется и часть моей вины, то по вступлении в Блентайр я куплю тебе новую одежду.

Я восхищенно ойкнула, ибо давно уже мечтала о красивом столичном платье – непременно синего цвета, сшитом из добротного сатина и украшенном узким кружевным воланом. Похоже, на моем лице появилось откровенно глупое выражение, потому как маг иронично фыркнул и негромко пробурчал: «Девушка становится женщиной отнюдь не после первой интимной близости с мужчиной, а после первого посещения ювелирной лавки...»

Под аккомпанемент его мудрых рассуждений я незаметно опустила флакончик с волшебной жидкостью в карман своей рубашки.

– А теперь начнем существенно сокращать наш путь, как я и обещал. Считай это первым магическим уроком, к тому же бесплатным, – внушительно промолвил чародей, заметив, что я уже смирилась с потерей вещевого мешка. В глубине души я вновь испытала некоторую вполне обоснованную боязнь перед очередным поджидающим меня фиаско, но с энтузиазмом кивнула, готовая к новым приключениям.

Мы свернули с хорошо утоптанной дороги, дружно перепрыгнули через тянувшуюся вдоль нее оросительную канаву, пересохшую лет сто назад, и сразу же по пояс погрузились в ломкий прошлогодний бурьян. Там и сям виднелись бледные куртинки первой молодой травы, с трудом пробивающиеся сквозь отмирающую почву. Слабые лучи Сола все-таки сумели проникнуть через свинцовую завесу облаков, изливая на землю свое благодатное тепло.

Ох, как же мне хотелось верить, что наш несчастный мир еще имеет возможность выжить и измениться к лучшему, став прежним – прекрасным и уютным. О, если бы в этом мире больше не убивали детей, уважали стариков и не боялись любить! Клянусь, я была готова отдать всю себя без остатка, лишь бы хоть чем-то помочь многострадальному Лаганахару и населяющим его людям. Клянусь, если придется, то я не попрошу у бога Шарро ничего лично для себя, но самоотверженно пройду через любые испытания, только бы Блентайр сумел избежать губительного дыхания Пустоши и не оказался погребенным под барханами бездушного песка. Клянусь, я с радостью умру за Ардена... Тут я внезапно вздрогнула, поняв, что Джайлз терпеливо спрашивает у меня о чем-то важном, и, похоже, проделывает это уже отнюдь не в первый раз.

– Экий мечтательный эльф мне попался. – Маг и не думал сердиться. – А ну-ка, скажи, в какой стороне отсюда находится Блентайр?

Я решила, что чародей проверяет, старательно ли я училась в приютской школе, а поэтому немедленно напустила на себя жутко осведомленный вид и уверенно ткнула пальцем на юго-восток:

– Вон там!

– Молодец. А теперь давай выясним, насколько сильны твои врожденные магические способности. Попробуй мысленно прочертить прямую линию отсюда до города, выбирая наикратчайший путь, – и неважно, что ты не можешь видеть Блентайр.

Повинуясь его приказу, я зажмурилась для лучшего эффекта и честно попробовала...

– Получилось? – заинтересованно осведомился Джайлз. – Отлично, а теперь назови первый ближайший к нам ориентир на прочерченном тобой пути. Только выбери что-нибудь не очень мелкое.

– Брод через Алларику, – предложила я, совершенно не понимая, к чему ведут все эти географические упражнения.

– Удачный выбор, я тоже о нем подумал. – Чародей крепко ухватил меня за руку и притянул вплотную к себе.

Заглянув в его лицо, я невольно попятилась, потому что в глубине светлых глаз мага возникли две огненные точки, тут же начавшие стремительно разрастаться, превращаясь в концентрически закручивающиеся красные спирали. Джайлз поднял руки и скрестил их над моим затылком, а с его губ сорвалось негромкое заунывное пение. Я ощутила исходящий от его пальцев жар, изливающийся на мою голову и окутывающий ее подобно капюшону. Еще никогда я не казалась себе такой сильной, способной, наверное, одним мимолетным взглядом свернуть горы и осушить реки.

– Замечательно! – устало выдохнул чародей, потряхивая ладонями, словно он только что прикасался к раскаленной кухонной плите. – Ты обладаешь огромным колдовским потенциалом, еще спящим и не развитым. Но, клянусь именем Шарро, когда-нибудь ты научишься им пользоваться и станешь готовой совершить многое.

Я недоверчиво хлопала ресницами, приняв его слова за всего лишь добродушное подтрунивание над бесталанной мною. Кто сможет – я? Да ну, как же, так прямо и поверила, держи карман шире! Ведь я – никто, просто безродный подкидыш, несчастная сирота, лишенная родительской любви, никому не нужная, вечно обсмеиваемая и всеми презираемая. Я – урод, трусливо не смеющий распахнуть спрятанные под рубахой крылья. Нет, однозначно, такие бездари, как я, магами не становятся!

– Опять ты углубилась в свои мысли, – ворчливо подметил молодой чародей. – Раз уж ты такая мечтательница, то сделай милость – вообрази, будто мы уже находимся там... И желательно – на другом берегу Алларики.

– Вообразить? – шокированно переспросила я. – Вот так просто вообразить, и все?

Джайлз ехидно хихикнул и крепко обнял меня за талию:

– Да, вообрази!

Честно говоря, поначалу это необычное задание не показалось мне очень сложным, раз уж речь шла всего лишь о банальном полете фантазии. Я плотно зажмурила глаза, дотошно и в мельчайших деталях представляя себе пресловутый брод, с обоих берегов реки отмеченный большими белыми валунами, и саму Алларику – шумно бурлящую подле них, но совсем еще неглубокую в это время года. А потом я просто вообразила себя и Джайлза, плавно летящих по воздуху и мягко опускающихся рядом с валуном на противоположном берегу, точно у переправы...

Внезапно меня качнуло, я мгновенно распахнула глаза и отчаянно завизжала. Оказалось, что мы действительно плывем в восходящем воздушном потоке, приподнявшись довольно высоко над землей и паря подобно двум легковесным тополиным пушинкам.

– Мы летим? – всполошенно закричала я, не смея поверить собственным глазам. – Но я же не умею летать!..

– Не умеешь, но тем не менее летишь! – довольно усмехнулся чародей, продолжая держаться за меня.

– Если я не умею летать, значит, мы сейчас упа... – с безупречной логикой начала рассуждать я.

– Не смей!.. – предостерегающе вскрикнул Джайлз, но было уже поздно.

Мир неожиданно закувыркался вокруг меня, многократно переворачиваясь с ног на голову и обратно, я истошно заорала от испуга и судорожно вцепилась в безбожно сквернословящего мага.

– Йона, думай о полете! – настойчиво требовал он, пытаясь перекричать свистящий возле нас воздух, но куда там – я запаниковала и мертвым грузом повисла у него на шее,

жалобно скуля, словно побитый щенок. Земля приближалась. Я тоненько пискнула напоследок, и мы звучно обрушились прямо в реку...

– Тьма на мою голову! – сердито выругался Джайлз, бредя к берегу и отплевываясь от попавшего в рот песка.

Место нашего неудачного приземления оказалось неглубоким, поэтому вода лишь незначительно смягчила боль падения, не защитив от возникновения многочисленных синяков и ушибов. Плюс к этому мы промокли до нитки и изрядно продрогли в жутко ледяной воде.

Я смущенно отфыркивалась, виновато шмыгая носом и незаметно потирая сильно отбитый бок, коим смачно приложилась о торчащий из воды голыш. Я ведь предупреждала, что не умею летать!

– А ты ни в чем не знаешь удержу, – лукаво ухмыльнулся Джайлз, без всякого почтения к своему официальному одеянию стаскивая расшитую звездами мантию и простежки ее выжимая. Моему смущенному взору предстала простая полотняная рубашка, ладно облегаящая его стройный торс, и смешные штаны до колен. – Вот когда ты научишься правильно использовать таланты, данные тебе от рождения, то такому магу цены не будет!

– Если научусь! – сварливо поправила я. – Но, вероятнее всего, из меня попросту не выйдет никакого толку. Такая дура, как я, и правда бесценна, ибо не имеет никакой цены.

Джайлз восхищенно хохотнул, звучно щелкнул пальцами, сплетая заклинание и высушивая свою тщательно отжатую мантию.

– Не суди о себе пристрастно, ведь если верить своему отражению в луже – то каждый из нас жалок, мелок и грязен!

Но я, отменяя его доводы, лишь уныло шаркнула башмаком по песку.

– Знаешь, чем пессимист отличается от оптимиста? Пессимист говорит: «Хуже уже не будет!», а оптимист: «Будет, будет», – продолжил убеждать этот неунывающий чародей.

Я ответила принужденной улыбкой:

– Оказывается, у магов весьма специфичное чувство юмора!

– Не мы такие, жизнь такая! – с притворной скромностью развел ладони Джайлз. – Впрочем, вскоре ты сама убедишься в моей правоте. – С этими словами он легко подхватил меня на руки и птицей взмыл в небо, сразу перенеся нас на значительное расстояние.

Оставив позади негостеприимный берег Алларики, маг решил передохнуть и, снова засмеявшись, в театральной позе облокотился на валун, забавно жмурясь от лучей уже не на шутку раскочегарившегося Сола.

– У нас все очень хорошо получилось, эльф! Твоя энергия добавила мне сил. Еще несколько подобных прыжков – и мы достигнем столицы.

Увидев, как я испуганно заморгала, он отошел от камня и слегка коснулся моего плеча:

– Не бойся, обещаю – я не причиню тебе вреда. Не все из нас умеют делиться своей силой с другим человеком, а проделывать это искренне, без корыстных намерений, вообще способны единицы. Ты воистину нечто уникальное, Йона! Я все больше убеждаюсь в том, что, выбрав именно тебя, глава нашей гильдии преследовала какие-то загадочные, но значимые цели! – И, всласть насладившись моим смешанным с непониманием смущением, он весело потянул меня за рукав: – Ну как, ты все еще готова идти в Блентайр?

Я поджала губы, демонстрируя непоколебимую решимость и готовность отважно пройти по уготованному мне пути, преодолев его от начала до самого конца. Я все равно стану магом вопреки терзающим меня страхам и нехорошим предчувствиям, буквально переполняющим душу. Я намереваюсь храбро взглянуть в лицо своему будущему даже при самом неблагоприятном исходе приключений, в кои меня вовлекли спонтанно и без предупреждения. Я обязательно встречу с ним даже в том случае, если это лицо примет форму уродливой морды с кровожадным оскалом!

Передвигаясь таким чудесным образом, мы очутились у стен Блентайра всего через полтора часа после выхода из монастыря всемилостивой богини Банрах. Куда там до нас каким-то хваленым лаганахарским скакунам! Ориентиры почти все дорогу выбирала я, а Джайлз вежливо соглашался, изредка уточняя место. Миновав заброшенный колодец, накренившийся клен и ветхий мостик через приток Алларики, мы оказались почти у самых городских стен. К последнему этапу перелета я осмелела настолько, что начисто выбросила из головы воспоминания о собственной неудаче и принялась задавать вопросы:

– А почему мы не можем выбрать в качестве ориентира Звездную башню и приземлиться прямо там?

– Экая ты приткая!

Мы только что преодолели предпоследний рубеж – высоченную гору, и невдалеке уже маячили стены столицы. Чародей улыбнулся по-прежнему приветливо, но как-то вымученно:

– Я еще не старейшина гильдии, чтобы так скакать, к тому же с эльфом на запятках. Очень любопытным эльфом, надо сказать.

– Прости меня, Джайлз, – виновато понурила я голову. – Я не хотела тебя расстраивать.

– Все нормально, просто я сам еще многого не знаю, ибо совсем недавно закончил этап ученичества и владею приемами чародейства вовсе не так уж хорошо, как ты, вероятно, себе вообразила.

«Слава Шарро, этот молодой маг не страдает повышенным самомнением и не впадает в пафос, рассказывая о собственных достижениях», – растроганно подумала я. Не люблю хвастунов!

– Ты лучше всех, Джайлз! – от всего сердца похвалила я. – Идем в город?

– Конечно, мой лстивый эльф! – Чародей зарделся как маков цвет. – К тому же – он игриво подмигнул, – надеюсь, ты еще не забыла о моем обязательстве? Ведь я хочу купить тебе платье.

Платье! Я чуть не подпрыгнула от восторга:

– У меня будет настоящее платье!

– Клянусь, самое красивое из всех, какие только можно найти в столице! – обещающе улыбнулся чародей. – Все-таки женщина всегда остается именно женщиной. Даже в том случае, если она имеет все предпосылки для того, чтобы стать магом... – Он помолчал и задумчиво добавил: – Возможно, величайшим магом нашего мира!

Глава 5

Известное всем и каждому выражение: «Тише едешь – дальше будешь» становится безупречно правдивым лишь в том случае, если ты путешествуешь в компании не обычного человека, а чародея. Впрочем, такое же парадоксальное нарушение законов логики касается и пословицы: «Поспесишь – людей насмешишь». Перемещаясь по воздуху, мы с Джайлзом не только изрядно обогнали представителей всех остальных гильдий, но также удостоились отнюдь не смеха, а подобострастных поклонов со стороны сгрудившейся у ворот толпы, ожидающей приезда выборщиков, сопровождаемых своими новоиспеченными учениками. Вернее, подобного приема удостоился один лишь Джайлз...

С развлечениями в Блентайре всегда обстояло довольно туго, а торжественный въезд представителей всех общин и вовсе можно наблюдать нечасто – всего лишь раз в году. Именно поэтому данное мероприятие пользуется неизменной и вполне обоснованной популярностью среди любопытных зевак, не стесняющихся громко и в откровенных выражениях высказывать свои догадки относительно внешности и умственных способностей детей, успешно прошедших церемонию выбора и избежавших, таким образом, храмового котла. Жители нашего королевства испокон веков славятся остротой своих болтливых языков и неумным любопытством, быстро переходящим в откровенное нахальство. Короче, если повстречаешь коренного лаганахарца, то клювом попусту не щелкай, то есть не зевай и, если что, пеняй на себя.

Я испуганно сбавила шаг, увидев собравшуюся у ворот толпу ротозеев, насчитывающую никак не меньше пяти сотен человек, да пониже натянула на лоб капюшон плаща, чтобы скрыть остроконечные уши. Не дай Шарро, измученные ожиданием зеваки заметят мои сугубо эльфийские черты внешности – греха не оберешься. Могут и камнями закидать. Стараясь стать как можно незаметнее, я еще сильнее сгорбилась, скромно потупила глаза и мелко семенила, по мере возможности прячась за широкую спину Джайлза, невозмутимо шагавшего прямо на расступавшуюся перед ним толпу.

Люди поспешно отступали в сторону, вежливо кланяясь статному, приветливо улыбающемуся юноше, облаченному в расшитую звездами мантию чародея, ибо маги обладают статусом неприкосновенности, а нанесенная им обида всегда карается одним только способом – смертной казнью. Но если прекрасный облик Джайлза вызывал у обывателей лстивые комплименты и завистливые вздохи, то спутницу мага людская молва не пощадила: горожане щедро одаривали меня шутками и издевками, ранящими куда больнее, чем удар тяжелым булыжником.

Несколько коротких мгновений, потраченных на то, чтобы миновать возбужденно гудящую толпу, стали для меня настоящим испытанием. И чего я только не услышала! Моя хрупкая фигурка, незavidный рост и нищенский наряд подверглись настолько сокрушительному остракизму, что, будь мое желание попасть в Звездную башню чуточку слабее, я бы, наверное, сгорела со стыда или провалилась под землю, напавал сраженная градом сыплющихся на меня насмешек. Но наконец-то все закончилось – мы пересекли караульную площадь, завернули за угол сторожевой башни и углубились в дебри торгового переуллка.

– А ты молодец! – с восхищением признал маг, целенаправленно устремляясь в сторону торгующих выпечкой лотков. – Даже не дрогнула, не ответила на чужие глупости и подначки. Признаюсь, я специально повел тебя этим путем, решив понаблюдать за твоей реакцией. Запомни: толпа возбудима, труслива и мгновенно ведется на малейшую провокацию. Для того чтобы противостоять людской массе, нужно иметь крепкие нервы и завидное самообладание. А вот если ты научишься управлять толпой, – он насмешливо присвистнул и

протянул мне теплую, усыпанную марципанами булочку, купленную у дородной торговки, – то сможешь влиять на ход любого события.

– Я испугалась, смертельно испугалась! – откровенно призналась я, облегченно переводя дух, с благодарностью принимая угощение и только сейчас начиная отдавать себе отчет в том, насколько сильно утомило меня наше необычное путешествие. Под ложечкой буквально сосало от голода, а натертые грубыми башмаками ноги опухли и мучительно ныли. – У меня никогда не получится сознательно влиять на кого-либо, поэтому пусть лучше они меня не замечают, я того не стою.

– Уж поверь мне – стоишь! Ты просто еще не разобралась в самой себе! – весело рассмеялся Джайлз, с хрустом вгрызаясь в толстую краюху белого хлеба, густо намазанную золотистым медом. – Но ты ведь все равно нашла в себе силы превозмочь страх и не отступила перед возникшим препятствием. О, Йона, если ты и впредь станешь всегда руководствоваться этим разумным правилом, то гарантирую – ты имеешь все шансы пойти очень далеко.

– Насколько далеко? – наивно поинтересовалась я, облизывая пальцы, из-за сдобы ставшие сладкими и липкими. – Неужели до самого Зачарованного берега?

– Дальше! – с нажимом парировал Джайлз, испытующе глядя на меня.

– До Черных холмов? – недоверчиво рассмеялась я, принимая предложенную им игру в угадывание.

– Дальше! – солидным тоном произнес чародей.

– Да куда уж дальше-то? Если только до Пустоши! – всерьез испугалась я.

– Дальше!

– До Запретных гор? – с содроганием спросила я, отводя глаза, ибо наша игра, похожая на страшное предсказание, перестала мне нравиться.

Чародей кивнул. Я поежилась, потому что в те запретные, проклятые богиней Банрах края еще не забредал ни один живой человек. Возможно, лишь крылатые души, вылетающие из умерших тел, имеют дерзость посещать эти земли, по слухам ставшие последним приютом изгнанных из столицы Полуночных эльфов.

– Не стоит слишком часто заглядывать в будущее, можно ослепнуть, – успокоил меня Джайлз, бросая копошащимся в канаве голубям оставшиеся от хлеба крошки. – Предлагаю заняться более приятными делами.

– Мы пойдем в Звездную башню! – Я обрадованно всплеснула руками. – Я увижу главу гильдии?

– Не так быстро, мой прыткий эльф! – улыбнулся молодой маг. – Или ты и правда хочешь попасть туда в этом убогом приютском одеянии?

– Ой! – Я сконфуженно вцепилась в полы своего донельзя изношенного плаща. – Но другой одежды у меня нет...

– Будет, – ласково утешил чародей, – и весьма скоро. Неподалеку отсюда находится лавочка некоего чудаковатого старика, прежде служившего главным придворным портным. Поверь, уж если где-нибудь в Блентайре и можно найти красивое платье, так только у старого Иоганна, благослови бог Шарро его искусные пальцы!

Любой город является овеществленной проекцией проживающих в нем людей. Он идеально отображает их достоинства и пороки, вкусовые пристрастия и бытовые привычки. Построенный эльфами Блентайр напомнил мне прекрасное видение – белокрылого лебедя, гордо плывущего по волнам чрезвычайно широкой в этом месте Алларики.

Впервые в жизни попав столицу, я потрясенно вертела головой, неоднократно ловя себя на том, что моя нижняя челюсть непроизвольно отвисает, занимая донельзя дурацкое положение, совершенно несвойственное ей в любой другой, нормальной ситуации. Джайлз снисходительно посмеивался над моими бурными восторгами, иногда специально не мешая

мне вдалось налюбоваться впечатляющими достопримечательностями столицы, а иногда, наоборот, начиная пространно излагать историю возникновения той или иной улицы. Следовало признать, что из молодого мага получился отменный проводник – осведомленный, деликатный и остроумный.

Переходя через многочисленные площади Блентайра, петляя по узким улочкам торгового района, рассматривая изошренные вывески его лавок, словно соревнующиеся между собой в пышности названий и красоте оформления, умиляясь величественности мраморных статуй и наслаждаясь тенистыми парками, я поняла, что с первого взгляда раз и навсегда влюбилась в этот удивительный город. И тем горше становилось от мысли о печальном будущем великой столицы королевства Лаганахар, ибо беспощадные пески все ближе подбирались к стенам Блентайра, будто затягивая смертельную петлю удушающей веревки, брошенной на горло одушевленного существа, ведь эльфы подарили городу частицу своей бессмертной души.

Ныне наш город был обречен на медленную мучительную смерть, а тщетные потуги жрецов и чародеев всего лишь немного оттягивали миг неминуемой катастрофы, усугубляя агонию столицы и многократно усиливая ужас его обитателей. И сегодня, глядя на валы бездушного песка, отчетливо просматривающиеся со стен столицы, я на деле убедилась в правдивости утверждения, гласящего, что быстрая гибель намного гуманнее и безболезненнее, чем вот такое долгое и постепенное угасание.

Но предательская мысль о справедливости и заслуженности постигшей Блентайр кары нет-нет да и мелькала у меня в голове. Люди жестоко изгнали тех, кто построил эти нерушимые стены и высокие башни. Люди почти истребили истинных хозяев Блентайра – эльфов, происходящих из двух великих кланов: Полуночных и Полуденных. Так стоило ли удивляться, что ныне люди сами умирали от отсутствия тепла, воды и пищи? Око за око, зуб за зуб, человек за эльфа – вот в чем выразилась справедливость закона выживания. Человеческий род медленно исчезал, пав жертвой Проклятой эпохи. Впрочем, подробности существования бывших жителей столицы, эльфов, тщательно скрывали от простых обывателей, руководствуясь немудреным правилом: меньше знаешь – крепче спишь.

В пику королевской политике умалчивания, всю посаждаемой в Лаганахаре, я сумела прочитать Книгу Преданий и посему узнала многое из того, о чем совсем не полагалось знать. С болью в душе я рассматривала теперь дивное творение эльфийских зодчих, заваленное горами вонючих, гниющих отходов. Я видела засоренные, давно пересохшие фонтаны Блентайра, растрескавшиеся стены домов и криво залатанные крыши. Медные, некогда до блеска начищенные флюгеры обезображены пятнами зеленой плесени; статуи, утратившие носы и пальцы рук, выглядели уродливее, чем зараженные проказой люди, а многолетние потоки птичьего помета неряшливо свисали с козырьков крыш.

Неосмотрительно отобрав у эльфов прекрасный Блентайр, алчные смертные явно откусили слишком большой кусок королевского пирога, пришедшийся им не по зубам. Загаженный город медленно погибал от человеческого безразличия и попустительства, а надвигающаяся на его стены Пустошь должна была всего лишь довершить начатое людьми злодейство. И в этом тоже угадывалась некая высшая справедливость: отнятый у эльфов город в итоге не достанется никому, уйдя в холодное небытие. Теперь нам предстояло полностью заплатить за грехи прошлого, некогда совершенные нашими глупыми предками.

К сожалению, тогда я еще не ведала всей истинной подоплеки межрасовой войны, положившей конец счастливой жизни Блентайра. А вступая на нелегкую стезю ученицы гильдии Чародеев, я даже и не подозревала о том, что вскоре мне предстоит узнать сокровенные тайны реальности, которые могут оказаться намного страшнее всех доселе услышанных или прочитанных сказок и легенд...

Человеческий разум способен на многое, но он тоже не является безграничным, отступая перед нерушимой силой времени и будучи не в силах остановить неумолимый бег мгновений. Время похоже на песок, безостановочно пересыпающийся в колбе бытия, опирающейся на подпорки из человеческого разума. Мы не властны заново придумать или исправить наше прошлое, ибо оно не зависит ни от чего и ни от кого. И точно так же мы не имеем возможности заранее узнать будущее, ибо ежесекундно выковываем звенья длинной цепи-жизни, питающейся нашими мыслями, словами и поступками. Но как бы там ни было, мы должны бережно хранить предания о прошлом, ведь только они и могут подсказать, каким станет наше ближайшее будущее, неотделимое от дней ушедших и возникающее как их закономерное продолжение. И только в этом состоит единственная минимальная власть над частицами времени, милостиво подаренная нам богами и природой.

Проходя через одну из площадей, мы с Джайлом обратили внимание на группку бездельно шляющихся ротозеев, собравшихся вокруг невысокого тощего мальчишки, облаченного в некогда роскошный, а ныне сильно потрепанный парчовый плащ, небрежно залатанный лоскутами из более дешевой ткани.

– Он не имеет ничего общего с членами какой-либо гильдии, – удивилась я, с отнюдь не праздным интересом рассматривая худое, бледное, но поразительно одухотворенное лицо сего совершенно не поддающегося классификации персонажа. – Раньше я никогда не встречала людей, похожих на этого мальчишка.

– А чем конкретно он так сильно тебя зацепил? – с любопытством поинтересовался Джайлз, останавливаясь и присоединяясь к небольшой толпе. – Вроде бы человек как человек – ничего особенного.

Но в его глазах уже зажегся неяркий испытующий огонь, вызванный моей наблюдательностью и неумной жаждой новых знаний.

– Нет, он точно не такой, как все. – Я негодуяще мотнула головой, выражая протест. – В нем присутствует нечто возвышенное, выбивающееся за рамки обычной повседневной приземленности.

– Для скромной воспитанницы приюта ты проявляешь слишком зрелую проницательность и поразительно тонко чувствуешь людей, – с одобрением проговорил чародей, ласково погладив меня по плечу. – Ты начинаешь вызывать у меня огромное уважение, Йона.

Я смущенно покраснела:

– Так кем же все-таки является этот мальчик?

– Пилигримом и уличным бардом, – коротко пояснил Джайлз, шаря в кармане своей мантии и извлекая серебряную монету достоинством в один риель⁴. – Они не входят официально ни в одну из гильдий, просто свободно скитаются по Лаганахару и самостоятельно зарабатывают себе на хлеб. Пикантная особенность его судьбы заключается в том, что подобных мальчишек обычно кастрируют еще в раннем младенчестве, дабы избежать утраты красивого тонкого голоса.

– Кастрируют? – не поняла я.

– То, что мешает плясать плохому танцору, тем более не поможет хорошему певцу, – с ноткой презрения рассмеялся чародей, бросая монету мальчишке, ловко поймавшему ее прямо в полете. – Присмотрись к нему повнимательнее, и ты поймешь, что на самом деле он далеко не так молод, каким кажется на первый взгляд.

Желая лично удостовериться в правдивости слов мага, я шагнула ближе, остановившись как раз напротив певца. От этих движений мой капюшон немного сдвинулся назад, частично открыв уши и волосы. Я быстро поправила плащ, но мальчишка уже впился бди-

⁴ **Риель** – денежная единица Лаганахара. Один серебряный риель равен ста медным арани. Десять серебряных риелей составляют один золотой.

тельным взглядом в неосторожно рассекреченные детали моей необычной внешности и потрясенно вскрикнул.

– Эль... – шокированно начал он, но тут его расширенные от возбуждения зрачки в упор встретились с моими сиреневыми глазами.

Певец тут же прикусил язык и замолчал, а я в свою очередь заметила широкие седые пряди, мелькающие среди его белокурых локонов, и паутинку из морщинок, предательски змеящуюся возле глаз. Бродячий певец оказался далеко не мальчишкой, хоть и умело пользовался своей обманчиво юной внешностью.

– Ты... – экзальтированно шептал он, не отводя от меня своего безумного взора. – Ты – Наследница! Я чувствую присутствие могучего крылатого зверя, слышу его рев, вижу оскал острых зубов... И он стоит у тебя за плечом...

– Мальчишка пророчествует! – возмущенно охнул какой-то дюжий мужлан в одежде метельщика.

– Скорее бредит, – ехидно поправил тощий целитель. – Возможно, он обкурился конопля.

– Сумасшедший! – боязливо взвизгнула какая-то женщина. – Гоните его в шею, чтобы он не накликал на нас беду!

– Да-да, гоните! – слаженно подхватила толпа.

– Не смей! – Джайлз повелительно вскинул ладонь, мгновенно оборвав все негодующие вопли. – Разве вы не знаете, что все помешанные особо любимы судьбой, а через их уста пророчат сами боги? Кто посмеет обидеть избранника богов? Не ты ли? – Его палец обличающе указал на трусливо отшатнувшегося крепкого парня, подпоясанного кожаным фартуком мясника. – Или ты? – Он язвительно хмыкнул в сторону визгливой бабы, тут же молчком увильнувшей в сторону.

– Правильно! – донеслось из толпы, зачарованной силой убеждения молодого мага. – Безумец неприкосновенен!

Я восхищенно сглотнула, получив наглядное подтверждение недавнего урока Джайлза, сумевшего подчинить себе толпу.

– Спой нам, пророк! – между тем мягко попросил чародей, обращаясь к замершему певцу. – И не бойся, здесь тебя не тронут.

– Какую песню ты желаешь услышать, заступник? – сипло выдавил еще не оправившийся от испуга певец.

Джайлз едва открыл рот, намереваясь озвучить заказ, как вдруг я ощутила острый укол интуиции и попросила, невежливо перебивая чародея:

– Спой нам то, что подсказывает твое сердце!

Джайлз изумленно хлопнул ресницами, но утвердительно кивнул, поддержав мою просьбу.

– Я сам не помню, когда и от кого узнал эту необычную песню, – негромко пробормотал бродячий бард, вынимая маленькую гитару из привешенной за спиной сумки. – Я не понимаю, о чем в ней говорится, но сейчас мне почему-то хочется спеть именно ее...

Он немного помолчал, а потом плавно тронул струны своего инструмента, рождая непривычную нашему слуху мелодию, нежную и печальную. После вступительных аккордов в музыку гармонично вплелся его голос – звонкий, высокий, но при этом невыразимо плачущий и дрожащий, словно исполняющий гимн утерянной любви. Толпа зачарованно замерла, внимая разливающейся над площадью песне.

Я умоляю – промолчи
О том, что с нами не случилось,
От счастья выбросив ключи,

Я отдаюсь судьбе на милость.

Я не твоя, и ты не мой,
Чужие мы, и в этом горе
Не примет небо нас домой,
Волной холодной смое море.

Ведь нынче в выборе своем
Мы предпочли пески разлуки,
Остался в сердце ты моем,
А я в твоём, себе на муки.

Меж нами тайны страшной грех,
Что, не сдержавши зова плоти,
Презрели сложности помех,
Соединив сердца в полете.

Так не ропщи в плену оков,
Себя судьбе своей вручи,
Мы много взяли у богов,
От счастья выбросив ключи...

Судя по содержанию и стилю, эта песня должна была исполняться женщиной, а отнюдь не мужчиной и волшебным образом передавала ауру невыносимого горя, постигшего героиню стихов. Я напряженно вслушивалась в куплеты, и мне показалось, будто они предназначены только для меня, но вот, увы, я пока не в состоянии постигнуть глубокий смысл, вложенный в их строчки. Однажды я, уверена, все-таки узнаю имя автора этих стихов и непременно разберусь в тайном смысле печальных слов, очевидно имеющих непосредственное отношение как к моему прошлому, так и к моему будущему. А возможно, я даже сумею помочь в том страшном горе, что причинили неизвестной мне девушке, проникновенно оплакивающей свои безвозвратно ушедшие чувства...

– Приди в себя, Йона! – Чародей бережно тронул меня за плечо, вырывая из плена грез. – Ты явно уловила в этой песне нечто большее, чем мы, сумевшие постичь лишь ее красоту и благозвучность. Но признаю, я никогда не встречал столь талантливого исполнителя и не слышал столь душераздирающих стихов.

– Сьерр певец! – Из толпы выступил толстый важный господин и вежливо поклонился едва замолкшему барду. – Я придворный капельмейстер. Разрешите мне выразить восторг перед вашим талантом и пригласить вас в королевскую театральную труппу. Там вы сможете добиться несказанного успеха, а также получите возможность жить в тепле и сытости до конца своих дней.

Толпа одобрительно зааплодировала, осыпая певца комплиментами и медными арани. Джайлз под шумок оттащил меня в соседний переулок и хитро ухмыльнулся:

– Учись уходить вовремя и не оставлять следов. Кажется, мы обеспечили безоблачное будущее для этого бродячего певца, но теперь нам пора подумать и о себе. Взбодрись, эльф, ибо нас ждут лавка старины Иоганна и Звездная башня!

Обещанная лавка скромно притулилась в узком переулке, аккуратно уместившись между фасадами двух высоких зданий, полностью затмевающих ее яркостью облицовки и нарочито лезущей в глаза новизной черепичного покрытия крыш. Но ведь хорошее в рекламе не нуждается! А посему умный владелец любой лавки непременно сделает ставку не на кри-

чащий облик своего торгового здания, а на качество продаваемых товаров или ассортимент оказываемых услуг.

Видимо, все это в полной мере распространялось и на предприятие старого Иоганна, потому что под ненавязчиво скромными стенами его лавки всю бурлила жизнь. Входная дверь то и дело хлопала, впуская покупателей или выпуская их обратно, уже нагруженных объемистыми пакетами из плотной бумаги. Пару раз по ступенькам вроде бы ничем не примечательной лавки поднимались разряженные в пух и прах дворяне, сопровождаемые образцово вышколенными слугами. Очевидно, торговля бывшего придворного портного шла просто блестяще.

– Нам сюда! – Джайлз крепко ухватил меня за рукав и потянул за собой, почти силком затаскивая на крыльцо.

Перед самым порогом я сконфузилась до такой степени, что споткнулась и чуть не упала. Мелодично тренькнул привешенный над дверью колокольчик.

Войдя внутрь помещения, я немедленно восхищенно ойкнула и замерла на месте. Ошибочно представившееся небольшим снаружи, здание на самом деле оказалось обширным и светлым, а его стены были заняты придвинутыми друг к другу стеклянными витринами, заполненными одеяниями всех гильдий. Я медленно шла вдоль вешалок с одеждой, с безмолвным восторгом подмечая и безупречное качество тканей, и совершенство покроя, и ровность мелких стежков. Из-за стеллажа высунулась гладко причесанная голова молодого рыжеволосого мужчины.

– Чего пожелает юная сьеррина? – Он окинул меня оценивающим взором, словно снял мерку и одновременно с этим прикинул толщину кошелька потенциальной покупательницы, хотя у меня, к моему огромному стыду, даже одного арани сроду не водилось. – Плащ земледела или рубаху метельщика?

– Вот так, значит, ты встречаешь дорогих гостей, Милн? – насмешливо пожурил Джайлз, привалившийся к витрине с бархатными мантиями и спокойно сложивший на груди изящно скрещенные руки. – И куда, скажи на милость, подевались твои хорошие манеры?

– Здравствуйте, уважаемый и высокочтимый сьерр чародей! – Нимало не смущенный полученным упреком, Милн ужом вывернулся из-за прилавка и почтительно склонился до пола, приветствуя молодого мага. – Мы уже давно не имели удовольствия видеть вас в нашей бедной лавке! Что изволите заказать на сей раз: шелк для занавесей, парчу для парадных облачений, муар для подкладок церемониальных плащей?

– Ах ты, пройдоха, еще и прибедняться вздумал! – весело хохотнул чародей, проказливо щелкая приказчика по носу. – Тебя ничем не смутишь! Ты ведь даже мертвецу умудришься продать запасной саван!

– На чем и стоим! – С наигранной скромностью Милн горделиво развел свои плоские, будто лопаты, ладони, продолжая искоса меня разглядывать.

На его конопатом широкоскулом лице проступило заинтригованное выражение, буквально вслух вопрошающее: «А при чем тут эта замарашка?»

– Вот сейчас мы и проверим, так ли ты хорош в угождении клиентам, как утверждают заядлые модники нашей столицы! – Расшалившийся Джайлз подпихнул меня вперед, выставляя напоказ всю мою сомнительную красу. – Мне требуется полностью преобразить вот эту приехавшую из провинции девушку, причем так, чтобы она выглядела по меньшей мере любимой королевской дочкой, а еще лучше – самой королевой!

Глаза Милна обалдело сошлись к переносице, а я протестующе пискнула и попыталась юркнуть под прилавок.

– Куда? А ну стой, проказница! – Джайлз с хохотом выволок меня наружу и, явно бравируя своими непринужденными манерами, сдернул укрывающий мою фигуру плащ, с треском разорвав изношенную ткань.

В воздух взвилось небольшое облачко пыли. Приказчик кашлянул, чихнул и потрясенно вылупил свои грозящие выкатиться из орбит глаза, разглядев мои миндалевидные очи, буйные локоны и остроконечные уши.

– Эльф! – шокированно проблеял он. – Так это же самый настоящий эльф, заведи меня Тьма!

– А ты кого ожидал увидеть? – вовсю иронизировал Джайлз, неприкрыто наслаждающийся разворачивающимся перед ним зрелищем. – Песчаную стоножку или бурую крысокошку?

Но вместо ответа Милн вдруг еще резче свел к носу свои до предела распахнутые глаза и неловко отступил назад, с размаху плюхаясь на ягодички да вдобавок хрипло голоса во все горло:

– Прадедущка, скорее иди сюда, нам срочно требуется твоя помощь!

Джайлз довольно прищелкнул языком и выразительно похлопал меня по плечу, намекая: «Смотри, что сейчас произойдет!» Я послушно уставилась туда, куда указывал его наставительно оттопыренный палец.

Расположенная напротив нас стена, очевидно скрывающая потайную дверь, бесшумно раздвинулась, пропуская в комнату невысокого, сторбленного, седого как лунь старичка. В правой руке он сжимал лоскут редчайшего в наших краях серебристого шелка, производимого Полуденными эльфами, а в левой – иголку с вдетой в нее серебряной ниткой. Подслеповато прищуренные глаза нового участника разыгрывающейся в лавке трагикомедии добродушно взирали на мир через толстые линзы эльфийских очков, делая их хозяина похожим скорее на волшебника из детской сказки, чем на портного.

– И не нужно так громко кричать, – скрипуче проворчал старичок, приветливо мне улыбаясь. – Я, может, и слепой, но пока еще не глухой и отнюдь не дурак. Добро пожаловать в Блентайр, сьеррина Наследница.

– Как вы меня назвали? – робко пролепетала я, шарахаясь от странного старика и попадая в заботливые объятия Джайлза.

Чародей ласково прижал меня к своей груди, словно младшую, нуждающуюся в защите сестренку, и успокаивающе погладил по волосам:

– Не волнуйся, малышка, ты находишься среди друзей!

Старик согласно хмыкнул.

– Здравствуй, Джайлз, – с нескрываемой симпатией произнес он, пожимая ладонь молодого мага. – Какой замечательный подарок ты привел ко мне сегодня! А я уж начал бояться, что не доживу до этого знаменательного дня.

– Почему? – брякнула я, совершенно растерявшаяся и сбита с толку.

– На прошлой неделе прадедущке Иоганну исполнилось сто шестьдесят семь лет! – внушительно пояснил Милн. – Он самый знаменитый долгожитель Лаганахара!

– Ого! – промямлила я, так и не сумев подобрать нужных слов.

– Но я все же неспособен прожить целое тысячелетие, в отличие от некоторых, – неожиданно выдал портной, резво шуруя иголкой и не глядя на меня.

– Это вы о ком говорите? – не поняла я.

– О тебе, наша уважаемая Наследница! – проказливо хихикнул Иоганн.

– Ой, нет, – слабо простонала я, чувствуя, что пол внезапно поплыл куда-то вбок, уходя у меня из-под ног. – Мамочки, мне страшно...

Свет в глазах померк, и я почувствовала, как мое сознание начинает проваливаться в глухую, холодную черноту...

Отдаленный гул голосов болезненно впился в мозг, мешая наслаждаться тишиной и покоем. Я возмущенно поморщилась и еще сильнее зажмурилась, мечтая лишь об одном: поспать подольше, прежде чем нас опять загонят на эти треклятые капустные грядки, бук-

важно усеянные омерзительно мохнатыми желтыми гусеницами. Но когда я жаловалась, что боюсь их пуще смерти, брат Флавиан лишь неодобрительно качал головой и выдавал длинные сентенции о неоспоримой пользе физического труда, облагораживающего наши души и укрепляющего тела.

– А ты уверен в том, что эта малышка и есть долгожданная Наследница? – взволнованно спросил чей-то красивый, смутно знакомый мне баритон.

– Твой скептицизм вполне обоснован, мальчик, – со старческим дребезжанием отозвался его собеседник. – Но ты ведь сам знаешь не хуже меня, что ее избранность можно проверить.

Я раздраженно нахмурилась, недовольная своим на редкость неинтересным сном, но надоедливые голоса не умолкали.

– Возможно, уже стало слишком поздно и процесс наступления Пустоши принял необратимый характер?

– Глупости, – протестующе усмехнулся старик. – Поздно бывает лишь в том случае, если ты сдался и опустил руки.

– Я согласен с тобой, Иоганн. – Более молодой участник диалога испустил громкий вздох облегчения. – А то, что я успел понять о Йоне в течение этого длинного дня, говорит о многом.

– И все же ты по-прежнему сомневаешься в ней, – ехидно поддел старый портной.

– Сомневаюсь, – немного виновато подтвердил чародей. – Пребывание в Звездной башне учит не доверять никому, даже собственной тени.

– Тогда давай разбудим нашу малышку эльфийку и... – предложил Иоганн, но не успел закончить фразу, прерванный моим недовольным ворчанием.

– Я уже не сплю, – сварливо сообщила я, очень неохотно смиряясь с мыслью о том, что все приключившееся со мной сегодня оказалось отнюдь не гадким сном, а сущей правдой. – Поспишь тут, как же.

Я подняла ресницы и встретила с устремленным на меня чародейским взором, так и горящим мрачным ожиданием чего-то важного и пугающего одновременно. Обнаружив, что лежу на кипе свернутых в рулончики плащей, я встала и сладко потянулась, чувствуя себя намного лучше, ибо даже столь короткий сон значительно меня освежил, вернув гибкость мышцам и устранив нудный звон в голове.

– Извольте объяснить, уважаемые сьерры, к чему ведут все эти ваши туманные разговоры о Наследнице и наступлении Пустоши? – попросила я, учтивым наклоном головы благодаря Милна, поднесшего мне стакан яблочного компота.

– Йона, а ты никогда не задумывалась о том, что твоими родителями могли быть Полуночные эльфы, по крайней мере, хотя бы по одной линии родства? – В голосе старого Иоганна звучали нотки непоколебимой уверенности в собственной правоте.

– Эльфы никогда не бросают своих детей, – жестко отчеканила я. – Ведь рождение ребенка – чрезвычайно редкое событие и желанный праздник для всего клана бессмертных.

– Она права, – компетентно подтвердил Джайлз. – К тому же эльфы крылаты, а не горбаты.

– И кто из нас здесь слепой? – язвительно усмехнулся портной, резко шагнул ко мне и ножницами, зажатыми в ладони, стремительно располосовал мою рубашку, обнажив спину.

– Великий Шарро! – восхищенно ахнул чародей, протирая свои глаза, словно он пытался отделаться от неправдоподобного наваждения. – Это иллюзия или обман зрения?

– Они настоящие, – сообщил Иоганн, бережно прикасаясь к одному из моих крыльев и расправляя его нежные складки. – Полагаю, что подобной, совершенно несвойственной людям, частью тела может обладать лишь единокровная дочь Полуночных!

– Но я совсем не умею летать! – плачуще пожаловалась я, бессильно хлопая раскинутыми крыльями. Я даже подпрыгнула, стремясь подчеркнуть свои слова, но, естественно, тут же опустилась обратно. – У меня никогда еще не получалось взлететь хоть на пядь над землей.

– Экая ты торопыга! – ласково пожурил старый портной, любуясь моими раскрытыми крыльями, отливающими всеми оттенками серебряного и золотого цветов. – Скажи, а кто из нас обладает законным правом хвалиться, будто уже научился глубоко дышать, уверенно ходить и правильно жить? – Вопрос прозвучал риторически. – Помни: на познание себя порой уходят годы и десятилетия, а на овладение своими способностями – и того больший срок.

– Крылья эльфов имели черный цвет, – поспешно вставил Джайлз, едва справившийся с постигшим его потрясением. – А их души были...

– Тсс! – торопливо вскричал Иоганн, намеренно помешав чародею, очевидно чуть не сболтнувшему лишнее. – И теперь ты опасаясь, не наделена ли наша малышка черной душой в противовес своим сказочно красивым серебряным крыльям? Ха, ты сам-то веришь, что Йона плохая?

Джайлз громко сглотнул, бессильно пожимая плечами:

– Сие ведомо лишь богу Шарро. Ведь недаром сказано в пророчестве, высеченном на стене Немеркнувшего Купола:

Те, кто ушел, и те, кто тут,
Ее Наследницей зовут,
Она прощеньем наградит
И расы вновь соединит.

Из ниоткуда в никуда
Пройдет она через года
И вспять пустыню повернет,
Злых чародеев – изведет.

Он удрученно помолчал и добавил чуть слышно, словно извиняясь:

– Я ничего не имею против тебя, малышка, но я тоже чародей и не хочу умирать. И еще, мы – не злые...

– Забери вас Тьма! – гневно выругалась я, обиженно молотя сжатыми в кулаки руками по широкой груди этого горе-предсказателя. – Ну с чего, с чего вы вдруг решили, будто я и есть та самая Наследница-убийца?

Чародей бережно поймал меня за запястья и виновато вздохнул, однако вовсе не торопясь приводить какие-либо аргументы в пользу своей версии.

– Оставь девочку в покое, Джайлз. Невозможно бежать впереди завтрашнего дня. Она либо до всего докопается сама, либо смирится и отступит, – саркастично хмыкнув, повелительно приказал старый Иоганн, заговорщицки подмигивая всерьез опечаленному чародею. – Ты привел ее сюда не ради чтения нотаций или запугивания, а с целью выбора наряда, подходящего для посещения Звездной башни. Так порадуя же малышку, найди ей самое прелестное платье.

– Пусть она выберет его сама, – добродушно улыбаясь, предложил маг, замечая, что я тут же встрепенулась и так жадно облизнула губы, словно собиралась попробовать на вкус все имеющиеся в лавке ткани, пуговицы и ленты. – Процесс примерки нарядов всегда является для женщин чем-то особенным, отнюдь не той обыденностью, каковой считаем выбор одежды мы, мужчины. Думаю, она наделена врожденным чувством вкуса.

– Каждая баба мечтает хоть раз в жизни сходить с авоськой не в продуктовую лавку, а в ювелирную! – угодливо заржал Милн.

Я ответила ему широкой улыбкой, однозначно подтвердившей правоту актуального изречения.

– Выбирай себе платье, дитя! – Портной широким щедрым жестом обвел стены, находящиеся позади него. – Разрешаю – забирай любое.

Я восторженно завизжала, потому что только сейчас поняла: потайная комната старого Иоганна служит хранилищем для самых лучших его произведений, достойных укрывать плечи прекрасных королей и обвивать стройный стан первых принцесс двора, ибо другой такой коллекции нарядов не сыскать в целом мире. Развешанные по стенам одеяния, скроенные из редчайших тканей и отделанные бесценными мехами, выглядели подлинными произведениями искусства, радуя глаз, но почему-то совершенно не грея мое сердце. Я медленно шла вдоль ряда чудных нарядов, придирчиво их перебирая и даже мысленно примеряя на себя, но при том совершенно четко понимала – все это не мое и сшито не для меня.

Внезапно, дойдя до самого темного угла комнаты, я увидела простой дерюжный мешок, небрежно брошенный на пол и перевязанный суровой пеньковой веревкой. Ни с того ни с сего моя душа вдруг буквально ушла в пятки... Я замерла от непонятно откуда взявшегося ужаса и вместе с тем чуть не взмыла в небо, затрепетав от всепоглощающего ощущения радости, вызванного интуитивным узнаванием энергии, исходящей от загадочного мешка. Похоже, в нем лежит нечто важное, связанное со мной незримыми узами самой судьбы. Нечто, уже очень давно ждущее именно меня, и только меня.

– Что это? – прошептала я онемевшими от волнения губами, вопрошающе указывая пальцем на мешок.

– Тряпье! – небрежно бросил Иоганн, но, к своему огромному удивлению, я заметила, как побледнело его лицо, а близорукие глаза затравленно забегали, выдавая овладевший им страх.

Сердце мое екнуло, ибо я убедилась: этот мешок скрывает какую-то страшную тайну или, еще того хуже, чье-то неискупленное преступление.

– Я хочу его! – ультимативно заявила я, требовательно дергая завязку мешка, представляющую собой скорее не веревку, а целый клубок из узелков, нанизанных один на другой.

Джайлз свистяще выдохнул сквозь неплотно сжатые зубы, на его лбу выступила испарина.

– Ты хорошо подумала, девочка? – с сомнением переспросил старый портной, нервно теребя лоскут шелка. – Единожды выбрав оную вещь для себя, ты уже никогда не сможешь отказаться от нее, выбросить, продать, подарить или же как-то иначе избавиться от сего одеяния. Она принесет тебе множество несчастий и полностью изменит всю твою последующую жизнь. Она является настоящей квинтэссенцией горя и страданий, она...

– Я знаю! – нетерпеливо перебила я, почему-то мгновенно поверив в предупреждение Иоганна. – Я согласна!

И как только я произнесла эти слова, стягивающая дерюгу веревка, до сего мгновения ни в какую не поддававшаяся моим усилиям, неожиданно спала сама собой, а мешок распахнулся. Я осторожно перевернула его вниз раструбом и вытряхнула к себе на колени нечто непонятное, тяжелое и тускло поблескивающее, кажется, шелковое. Ткань податливо потекла по моим ногам, упала на пол, развернулась и превратилась в мужской костюм, расшитый неповторимо сложными, витиевато переплетенными узорами из черных нитей.

– Это оно, – растерянно простонал Джайлз, пугливо вздрагивая и отстраняясь от наряда так поспешно, словно тот оказался кожей, сброшенной смертельно ядовитой змеей. – Я узнал его, ибо оно досконально описано в запретных свитках, хранимых нашей гильдией!

– Оно?! – Я вопросительно выгнула бровь.

– Одевание короля Арцисса – повелителя клана Полночных эльфов, которое было на нем в момент ранения и последующей гибели! – торжественно провозгласил Иоганн, молитвенно воздевая к потолку свои морщинистые длани. – Йона, драгоценная наша девочка, сегодня собственность твоих предков сама пришла к тебе в руки, признав в тебе законную Наследницу расы Перворожденных!

– ...наше прошлое похоже на несмываемое позорное пятно, на клеймо, запятнавшее людские души! – неторопливо рассказывал старый Иоганн, поддерживаемый редкими, но непреклонными кивками молодого чародея. – Окружающий мир является не чем иным, как зеркалом, отображающим наши поступки и слова. – Он придушенно закашлялся и, деликатно отвернувшись, выплюнул сгусток зеленоватой мокроты в платок, подставленный ему Милном. – Если мы приходим в этот мир с добром, то рано или поздно приучаемся жить в гармонии и согласии с другими живыми существами, а если несем ему лишь зло, то стоит ли удивляться постигающему нас несчастью? Поэтому Пустошь ниспослана как наказание за совершенные преступления, за трагическую участь всех убиенных и изгнанных нами эльфов...

– Ты здорово рискуешь, – мрачно предостерег чародей. – Если гильдия узнает о проявленной тобой откровенности, ты имеешь шанс угодить в храмовый котел.

– Плевать! – отважно хихикнул Иоганн. – Если им так хочется меня сожрать, пусть валяются, авось да подавятся моими старыми костями. Я и так молчал слишком долго, трусливо притворяясь, будто не замечаю всей этой черной несправедливости, сотворенной с эльфами. Пришел мой час, теперь я должен говорить. Пускай моя откровенность вредна для гильдии Чародеев, я уверен – нет ничего плохого в том, чтобы иногда делать что-то хорошее.

– Но в Книге Преданий, – изумленно перебила я, – говорится совсем иное: несправедливость творили эльфы. Они не захотели делить с нами Блентайр, ибо люди забирали их пищу и пили их воду. Тогда они развязали страшную войну, проиграли ее и напоследок прокляли свой бывший, оставленный победителям, город, спасаясь бегством.

– Вранье! – уверенно заявил старый портной. – Сплошные ложь и обман, придуманные королем Джоэлом Гордым, дедом нашего нынешнего правителя Вильяма. Выгодные королем байки, поддержанные и приукрашенные продажными чародеями из Звездной башни. Войну начали отнюдь не эльфы, а люди.

– Но зачем? – Я потрясенно расширила глаза. – Выступать против бессмертных Перворожденных – это же настоящее самоубийство, сущее безумие и грех!

– Бессмертные-то бессмертные, – криво ухмыльнулся Джайлз, – да вот только даже они оказались уязвимы для стрел и копий, а также совершенно беспомощны против клинков из хорошо закаленной стали. В этом смысле эльфы ничуть не отличаются от любого смертного человека.

– Всему виной любовь, – бывший придворный портной сокрушенно затряс остатками своих седых волос, – и прекрасная женщина конечно же. Запомни, дорогая, большая часть происходящих в нашем мире войн ведется ради покорения женщин и захвата власти. А в ментальном плане мужчины устроены так противоречиво, что им гораздо легче умереть за свою любимую, чем жить вместе с ней.

– Эврилика! – мечтательно вздохнул Джайлз. – Ее имя пропитано запахом луговых трав, оно напоено свежестью ночного неба, промытого едва отгремевшей грозой. Эврилика! Сколько боли и страданий принесла она людям и эльфам, став олицетворением и любви, и смерти.

Изумленно приоткрыв рот, я безмолвно внимала вдохновенным излияниям чародея, буквально застигнутая врасплох этой спонтанной поэтичностью, так и рвущейся из глубины

его души. Вот уж и не подумала бы, что этот смешливый маг способен на подобную лиричность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.